

18+

Геннадий Атаманов

Время в моей власти

Проза - мемуары - стихи. Век XX - век XXI

Геннадий Иванович Атаманов

Время в моей власти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827605

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор – Атаманов Геннадий Иванович, редактор, журналист из Санкт-Петербурга. Главное, самое крупное произведение в книге – "Россия идет" (к 100-летию Великого Октября и 30-летию демократической революции 1991 года).

Содержание

Река детства	4
Мои родные староверы	25
Икона	26
Горный Алтай	33
Тува	68
Заграница: Китай, Бразилия, США и Швеция	79
– и далее везде	
Церковь	112
Поездки – встречи – впечатления	123
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Река детства

Лето... Сияющий, белесо-голубой, уходящий в небо, в облака, в бесконечность – бесконечный летний день. Большой песчаный остров на самой середине широкой реки. Белый, промытый годами, веками, прокалённый колючим зноем, и синими-пресиними морозами зимой – крупный песок: чистый-пречистый, зёрнышко к зёрнышку – искринка к искринке! Зачерпнёшь в ладони – ан нет, не такой уж и белый: есть и серенькое, красненькое, голубое... А так – всё белое.

С одной стороны далеко до берега, с другой тоже, но на одной половине даже издали чувствуется скрытая мощь воды, до холодка по спине ощущается глубина: здесь фарватер, то и дело ползут чумазные тудяги-буксиры, эдак ровненько там и сям помятые; жизнь побила – она же и выправила! А на корме, над кипящей-бурлящей водой, в клубках дыма развевается выцветший флаг. Не треплется – развеивается! В далёкой-далёкой провинции, за тысячи и тысячи километров от всяких границ, этот флаг – символ государства, символ работы на государство! Маленький, чумазый, неказистый буксир, урча, тянет за собой длинную-предлинную вереницу тяжких, смолистых брёвен, из которых потом делают доски, мебель, рамы для окон, много чего еще.

Неспешно проходят по фарватеру длинные баржи с песком и гравием: на ровной зелёной глади воды песок выделяется эдакими горами-барханами... А что? Вполне себе барханы : летом в Сибири жара несколько не меньше, чем в Сахаре... Ну, или в Средней Азии.

– Господи, песок-то зачем везут?! – сидя как-то на берегу и глядя на всю эту рабочую картину, удивилась мать. И правда: песка-то кругом – засыпать можно всё на свете. Не меньше, чем в Сахаре! Вот-вот, потому-то неподалёку и находится самый большой в России гравийно-песчаный карьер. А «песок» – гравийно-песчаная смесь, нужна для строительства. Так что матери извинительно её незнание: она же не

специалист... Да и я не специалист, просто более современный человек, поболее-пошире чего-то знаю...

А вот и красота! «Ах, белый теплоход, гудка тревожный бас, мелькает за кормой сиянье синих глаз»... Пустяки, набор слов для рифмы – но красиво! Правда, красив теплоход: сам весь белый, с трепетанием отблесков воды по бортам, с пестреющими на палубе лёгкими разноцветными одеждами отдыхающих, с весёлой музыкой, радующей душу и сердце...

Пролетают и скоростные пассажирские суда, невысокие, стремительные, ничего лишнего, цель одна: быстрее доставить людей к месту назначения.

От этих небольших скоростных – большая радость для купающихся, тех, кто не боится воды: могучие водяные валы, набегающие на отмель. Надо быстрее бежать навстречу волне, проплыть вперёд, чтобы покачаться там, на глубине! Замирает сердце, летят в глаза брызги – но это не страшно, на глубине, на фарватере волны широкие. Это на берег они валятся с шумом и грохотом, грязные, с илом, песком и всякой мутью. А здесь, на глубине, только качает волна, своя, родная вода...

Неисчислимый маломерный флот – несущиеся туда и сюда, поперёк и наискосок, всякие лодки-«казанки», катера и катерки оглашают речные просторы неумолчным зудом своих моторов. И от них на реке постоянная волна, постоянно баламутится у берега вода, а моторный зуд – как неотъемлемый фон всего речного пейзажа, возле большого горо-

да... В тон речному плеску и моторному зуду – музыка с ка-теров и «казанок» : плохой, непопулярной, что на какой-ни-будь лодчонке, что на комфортабельном теплоходе просто не держат...

Река Бия широка, и вся эта суета – здесь, на острове, сре-ди моря чистого, никем не тронутого песка воспринимает-ся весьма отрешенно. И странно: она как бы еще острее поз-воляет почувствовать свободу, одиночество, затерянность, сильнее ощутить счастье побыть наедине с собой, своими мыслями – а они всё огромные, необъятные, ничем не омра-ченные, как это бесконечное небо вокруг, как этот высокий берег вдалеке с долгими, золотистыми соснами-свечами с тёмно-зелёными вершинами, у самого края обрыва... И ты вспоминаешь, что там, среди этих сосен – жаркий запах смо-лы, перемешанный с запахами трав, гладко-пёстрая поверх-ность папоротника – и колючий корявый боярышник. В дет-стве босиком ты с опаской приближался к нему: а вдруг на земле – веточка, а на ней – острая жесткая колючка! А ягоды вязкие, слегка сладкие, с распадающимися во рту косточка-ми...

И еще одна ягода детства – здесь же, у этого песчаного обрыва: земляника. Невысокий кустик, у самой земли – и там, среди зелени, словно огонёк – ягодка. Такая радость была её встретить! И когда потом друзья-пацаны показали мне целые поляны другой ягоды – клубники... я даже заревновал к любимой ягоде : какая-то круглая, беловато-зеленоватая, да столько много... Не то!

А какая даль, какой простор открываются с обрыва! Река – с песчаными – и зелёными островами; тёмные, огромные – и недостижимые тополя на том берегу – и сам берег, сказочно далёкий, совсем чужой – и темнеющий в далёкой дали лес... И далеко-далеко, на самом краю неба – неровная ве-

реница синеющих гор; я долго, долго не знал, что это – горы, думал – облака, тучи... Оказалось – горы, Алтайские горы.

На берегу – жарко, от воды нет никакой прохлады, зной от солнца и раскалённого песка до самого вечера будет пронизывать всё вокруг: до колких искр выбеливать камни, до звона высушивать выброшенные волнами, бог весть откуда занесенные коряги и брёвна, догоряча нагревать воду в тихих, неглубоких местах – и тогда почувствуется запах тины, застоявшейся воды... А-а-а! Я и сейчас, через полвека, пом-

ню его, этот запах...

И все картины, звуки, запахи в конце концов приводят к самому главному в памяти – рыбалке, рыбалке детства!

Рыбалка в детстве, на реке детства... Накануне собираются несколько пацанов и идут копать червей. Идти далеко, километра три, через лес на болото. Это город, не деревня и не дача – здесь дождевых червей взять негде. Рядом с нашими домами – песок, горы песка: огромные самосвалы идут и идут, увозят его куда-то, на все лады трещит экскаватор, таская полные ковши, а горы становятся всё выше и причудливей.

Но мы прознали у взрослых, где есть черви, туда и идём. Поход за червями, копание червей – целая эпопея. Сначала топаем до леса, по пыльной дороге, где едут самосвалы (пыль – прямо до небес), потом по лесу, до трамвайных путей, потом – по шпалам до... заводауправления химкомбината! Это уж я спустя годы и годы узнал про химкомбинат и управление, а тогда – просто большой дом, за которым начиналось что-то вроде болота. Земля здесь черная, сырая, и червей полно. Никаких, конечно, лопат – ковыряли землю палками, руками, и всё собирали, собирали в банки червей. Часа по два, по три копали, набивая полные банки : а вдруг будет здорово клевать?! Вдруг червей не хватит... Страшно подумать!

Наконец, когда все уставали, надоедала возня в земле (в земле – не в грязи!), шли в обратный путь, представляя себе

картину завтрашней рыбалки. Шли уже в сумерках, домой приходили чуть не затемно, банку с червями ставили в коридоре в уголок, чтоб никто случайно не задел, не перевернул... А удочки ждали своего часа в сарае: дома у нас деревянные, двухэтажные-восьмиквартирные, а между ними – ряды сараев. У каждой квартиры свой сарай.

Удочки... Я описываю здесь события примерно... примерно 1962 года. Бамбуковые удилица уже продавались в магазинах, но стоили дорого, а семьи у всех самые простые, так что, так что... Зачем удочки покупать?

Сами делали. Бамбуковые только у некоторых взрослых, а мы ездили на трамвае в лес – за сухостоем. Долго, долго выбирали сухую хворостину, да чтоб длинная была, прямая, да не толстая (рука устанет!), не сучковатая. Выбирали, обстругивали, а леска-крючок-поплавок – оснащенная леска – стояла в магазине копейки. Но поплавок всегда ставили свой! Из пробки. Протыкаешь пробку шилом, вставляешь в проделанную дырку спичку – очень удобно : поплавок и на леске держится хорошо, и передвигается вверх-вниз легко. Мне до сих пор иногда снится прыгающий на воде пробочный поплавок – и только пробочный! Хотя за минувшие годы каких только поплавков я не видел...

Спать все укладываются пораньше, а утром, когда тени еще длинные-предлинные, встречаются двое : другие сладко спят, кого-то не пустили родители, а кто-то и на болото вчера ходил просто за компанию. Но эти двое рыбаков, как всегда,

топают быстро и молча : и до реки путь неблизкий, а надо еще подальше идти – не ловить же там, куда бегают купаться.

Не сказать, что эти двое – большие друзья, даже нет, в другие дни они всегда порознь, объединяет их только рыбалка, но это – страсть. Они еще много чего не знают: что утренний клёв, утреннюю зорьку – они проспали, что всерьёз клевать теперь будет только вечером, а впереди – огромный, яростно-жаркий день, взбудораженно-взбамученная от моторов река... Ну и ладно, потом узнают. Им так хорошо шагаётся, по холодку, рядышком, по пыльной дороге, под взгляды-искорки молоденьких пушисто-игольчатых сосен, да высоких колючих синих цветов, так любимых пчёлами... Шагают мимо зарослей полыни – выше их ростом! На Алтае полынь могучая, терпко-пахучая – как сама жизнь...

А мальчишкам пока – по десять-двенадцать лет, и всё будущее, весь мир для них – в сегодняшнем утре... На пути показалась большая, одиноко стоящая берёза – примета: значит, уже недалеко река. Последние торопливые шаги – и вот он, простор. Обрыв, песок, река, тополя-гиганты, синеющие вдалеке горы – и небо, небо, небо!

Пологий спуск по вязкому песку прямо к воде, чуток в сторону, на более гладкое, обкатанное водой место... Распутана леска, каждый пробормотал заветные слова: «На этот червячок ловись рыбка чебачок», плюнул на червячка – рыбалка началась. Пройдёт час, может, и не один, прежде чем шлёпнется и запрыгает на песке первая серебристая рыбка.

– Поймал?!

В песок на краю воды быстренько заталкивается ветка-колышек, к нему привязывается снizка: обрезаек толстой лески, где на конце крепко-накрепко – и точно поперёк – привачена спичка. Спичка проталкивается рыбе под жабры, выходит через рот – чебаку не больно! – и он спокойно гуляет... На привязи. И долго, долго ждёт своего собрата, для компании...

Удилища у мальчишек все-таки коротковаты, наживка всегда одна и та же (не доверяют они белым червям, «кобылкам»-кузнечикам, мухам, хлебному мякишу – даже и не пробуют), рыбацкого опыта – не о чем говорить, а Бия – река рабочая: катера-теплоходы-буксиры, и вода у берега постоянно взбаламучена, клёва – почти никакого, и чебаков на снizке прибавляется очень понемногу. Но появится неподалёку взрослый рыболов, как дядя Петя Берников: в невероятных – до ужаса интересных! – резиновых сапогах, с длинным бамбуковым удилищем, полным садком крупной рыбы – и грёзы мальчишек разгораются-усиливаются. Забродят они подалее, червь на крючке всегда самый свежий – и минуты, когда вдруг запляшет пробковый поплавок, туго пойдёт из воды леска, а потом резко заходит на снizке пойманный чебак, заставляя ожить полууснувших собратьев – делают часы незаметными. Пересчитывая, перебирая чебаков, пацаны вспоминают каждого.

– Вот этот ка-а-к рванул!.. А этот чуть в воду не ускакал!..

Жара стоит такая, что на песок ступить нельзя, взятый из дому хлеб превращается в сухари, вода слепит – аж круги перед глазами. Хочется есть, хочется пить, всё хочется...

Что интересно, никаких кепок (или там панам!) даже не знали – и даже не купались, чтобы хоть как-то освежиться (вы что?! а вдруг в это время клюнет?!). И ничего, за десять часов на 30-градусной жаре – никогда никакого тебе солнечного удара! Или там – «ухудшения самочувствия»...

Когда голод совсем уж допекал, кто-нибудь не выдерживал: давай поедим... За обедом – вода, хлеб, огурец – можно помаленьку очухаться от рыболовного наваждения, оглядеться, померить шагами свою тень, чтобы узнать время. Замерли на берегу старые тополя, отражая в своих ветвях бегущие блики от воды, стрекот кузнечиков сливается с треском моторок... Как недостижимая мечта далеко от берега стоит лодка, а в ней неподвижный силуэт рыболова: согнутая спина, кепка-блин, торчащие в разные стороны удилища... Почему мечта? Да мы были уверены: рыба – она там, далеко, глубоко, и чем дальше и глубже, тем крупнее рыба, тем больше её! Да так оно и есть – нам, у берега, доставалась мелочь, и только иногда, иногда что-нибудь покрупнее...

Все рыбалки у меня сейчас сливаются в одно целое – однако, случались и невероятные события – особые, из тех, что запоминаются навсегда. Появилась как-то мода ловить на донку. И вот, надев на крючок «салазана», добытого в навозных кучах, привалив удилища камнями, полезли было

мальчишки на высокий берег за бояркой. Тут одно из удилиц и заворочалось, вырываясь из камней...

Но стоп! Сначала про салазана. Салазан – это такой здоровенный-прездоровенный червяк, сантиметров двадцать длиной! Добывали мы этих салазанов в навозных кучах рядом с конюшней, неподалёку от места рыбалки – там одни салазаны и водились.

Когда мы были маленькие, еще только начинали осваивать рыбацкое дело, мы только этих салазанов на крючок и цепляли: большой червяк – рыба сразу его увидит, и кинется, и поймается! Потом уж поняли: чебаки его объедают, обрывают – и совсем не ловятся... Но иногда всё-таки брал верх азарт: а вдруг большая рыба поймаётся?! И цепляли салазана. Бесплезно...

Но донная удочка – она же как небольшая закидушка, крючок с грузилом летит гораздо дальше, чем на обычной поплавочной удочке. Тут и сделал, наконец, своё дело салазан: увидела его большая рыба – и тяпнула, всего, целиком – с крючком... И попалась!

Удилище заворочалось, вырываясь из камней. Моё удилице! Я качусь назад с горы, хватаю его – и едва не сваливаюсь в воду. Потянул – у поверхности показался широченный зеленоватый бок, тяжело хлопнул. А со всего берега уже сбежались зрители, помощники, советчики: «Тяни, волоки, дёргай!».

Ошалевший рыбак по привычке рванул удилице кверху

– так он всегда таскал чебаков, но... Вылетел только пустой крючок, а язь, ворочаясь уже у самого берега, еще раз блеснул своим серо-зелёным боком, всплеснул – и ушел на глубину...

– Ты ему губу порвал! – кричали вокруг. Неудачливый рыбак был не слишком огорчен, потому что и так оказался героем не только среди ребятишек, но и взрослых. Мой двоюродный брат, лет на пять младше меня, придя домой, радостно сообщил: «Генка яза поймал, только не машину!»...

Язом мальчишки называли один из самосвалов, возивших песок рядом с домами.

Хохотали, беспрестанно повторяли это восклицание еще не один день. Хотя ведь никакого «язза» я и не поймал! Да чего там: полвека прошло, а подобный «язз» даже не клевал – ни разу, за целых полвека...

И мне хочется думать: тот язь, счастливо спасшийся от сковородки, никому больше не попался, мирно прожил свой язиный век, и тихо упокоился на дне Бии. Может, там еще и сохранились его косточки... А не где-нибудь на помойке у сарая – раз уж так повернулось дело!

Да... Язы – язами, а ради десятка чебаков пацаны могли торчать на реке до самого позднего вечера, и утро этого же дня казалось далёким-далёким. Вообще, день у десятилетнего человека несравненно дольше, ярче, богаче событиями, чем у самого деловитого взрослого. Даже если он внешне однообразный и тягучий, как на рыбалке.

Ну, вот что это? Стоит мальчишка, по колено в воде, часами. С этой удочкой... О-о-о! В том-то и дело, что мальчишка – вне времени, и, сам того не зная, всегда хозяин своего времени. Это взрослый накрепко привязан к времени – своему хозяину... А мальчишка счастлив и свободен – как я сейчас, когда пишу эти строки! Давным-давно нет тех взрослых, что были с нами, да и многие сверстники ушли, но я, понимая жизненный закон, разрываю узы времени своею памятью, и светло грущу о них... Память – она и жизнь, и свобода... Чем крепче память, тем ярче жизнь, тем человек свободнее...

Не мешали рыбалке ни ветер, ни дождь, ни гроза. А гроза однажды случилась великая – такие бывают на Алтае как раз после страшной жары. Вот-вот еще всё было светлое, яркое, совсем не страшное: река хоть и сильная, но вся лучистая, тёплая, песок на берегу беленький, деревья тихие, спокойные. Вдруг стал налетать ветерок, на воде появились расплывающиеся в разные стороны островки ряби, дрогнули верхушки деревьев. Времени прошло чуть, а солнца как будто и не было. Вода стала пугающей, земля чуть тёплой, тополя замотались, заревели, стали косматые, задёргались их длинные черные руки-сучья... Далёкие черно-серые тучи вдруг прорезались длинными, извилисто-острыми, ярко-белыми, с электрической голубизной иглами – и ударил гром. Сначала далеко, эдак ворчливо-раскатисто...

– Илья-пророк на колеснице проехал, – говорили в таких случаях наши бабушки.

Затем ярко мелькнуло – и сразу ударило: ближе! Полетели крупные капли, белый песочек покрылся серыми точками – а тут и ливануло сразу так, что мы выскочили на берег, побросали удочки, схватили самое ценное – банки с червями – и рванули под тополя.

Ничего мы не знали: что у воды стоять опасно, и под деревьями опасно... Ну, не стоять же нам под ливнем, посреди песка! Я же говорю – ливень такой... Какой? Просто белая стена стоит, и света белого не видно! И время от времени гром бабахает так, что мы, стоя под тополями, аж пригибаемся. Сверкание – белая стена – и грохот, грохот такой, что внутри тебя где-то отдаётся...

Долго вокруг сверкало-лило-грохотало. Когда нашим спинам стало больно от глубоких корявых борозд тополиной коры, когда дождь пошел ровнее, один сказал другому: «В дождь лучше клюёт, вроде...». А дождя-то вообще никогда не боялись. Выбрались из-под тополиной кроны, нашли свои полужасыпанные песком удочки, надели на крючки свежих червячков – «на этот крючок ловись рыбка чебачок» – и рыбалка продолжилась.

Эти двое были, к счастью, людьми довольно свободными, то есть их не заставляли по несколько раз в день прибегать домой и отчитываться, куда пошел, да с кем, да чем занимаешься... Да – к слову: в те времена, после войны, в 50-е, 60-е годы, матери почти все днём были дома – не работали. Во-первых, детей много, во всяком случае, не по одному, во-вто-

рых, работы и дома достаточно: постирать, еду сварить – за детьми приглядеть... В-третьих, потребности невелики: на еду, одежду – зарплаты мужа вполне хватало. Никакой техники, никаких автомобилей, поездок в Турцию... Плата за жильё – копейки. Так продолжалось где-то до 1970-х годов, когда женщин решили активнее привлекать к строительству коммунизма, к общественным делам... Отправили на работу. Детей в семьях начало убавляться...

А тогда, в наше время, мамы, если что – всегда оказывались рядом.

Нас – тех, двоих, повторяю, не так уж и пасли, но тут случай особый.

– Вот они где! А мы весь берег обегали!

Мы обернулись – на берегу стоят наши перепуганные мамы.

– Вы посмотрите, что делается!

– А? Где что делается?..

– Да тополь-то весь расшибло молнией!

Это когда они спускались к нам с горы, то увидели: один из гигантов-тополей расколот надвое!

Мы бросили рыбалку, вместе с ними подошли, посмотрели... Тополь, еще недавно такой большой, живой и сильный, жалко белел в зелёной траве двумя половинами своего могучего ствола...

Удивлённые, потрясённые, мы смотали удочки, забрали снизки с чебаками... Благо, уже вечер, и так хотели идти до-

мой...

Пришли домой, матери сварили уху из пойманных нами чебаков, поужинали, уснули... Утром проснулись, посмотрели на весёлое солнышко – и все страхи забыли! Да и не было особого страха – нам было даже уютно под своим тополем – капли до нас едва долетали. Так, чуть капало. Удивил и поразил только разбитый тополь...

И вот, при такой-то любви к рыбалке, пропала однажды... удочка. Нет, её не украли, а получилось так. Бегали однажды ребяташки возле дома, и проходили мимо взрослые парни. Остановили пацанов, спросили, есть ли у кого удочка: «Мы порыбачим немного, а вечером занесём».

Все молчали.

– Ну, вот у тебя есть?

– Есть...

– Дурак! – крикнул, отбегая, один из пацанов.

Парни не обратили внимания. Интересные это были парни: в светлых рубашках, очень спокойные, не похожие на своих, живущих рядом.

– Мы отдадим, – говорили они. – У тебя мама есть?

– Есть...

– А папа?

– Нет...

– Надо отдать, конечно, да, надо отдать, – негромко переговаривались они.

Я принёс им удочку, они взяли, спокойно ушли.

Несколько раз выбегал я на дорогу, спрашивал у других пацанов: не отдали кому? И долго еще мне было как-то неловко: они ведь так хотели отдать, а я, наверное, сам виноват, прозевал, когда они проходили...

Ну, ничего... Это сейчас мне вспомнилось, а тогда – забылось. У нас и запасные удилица имелись, а леска стоила копейки...

На рыбалку мы ходили больше в июне, июле, когда в охотку, после учебного года. В августе, в конце августа на рыбалку ходили мало – иначе бы я запомнил! Почему? А клева-ло здорово – в любое время дня! Пескари. Река сильно меле-

ла, можно бродить по всяким отмелям, галечным перекатам, островкам, далеко уходить... Солнечно, но жары нет, даже подувает свежий ветерок. На первой пескариной рыбалке я малость растерялся: что ж это такое? Как закинешь – сразу клюёт! Но рыбёшка... Что это за рыбёшка такая?! Вроде, радость – пляшущий на воде поплавок, а вытащишь – и смотреть не на что... Кое-каких пескаришек даже отпускал – мелюзга! Да и снизка – одна смехота: спичка чуть не больше рыбёшки! Пришлось завести садок с мелкой сеткой.

Потом сообразил: начал брать пескарей покрупнее. Дома похвалили: оказывается, уха из пескарей испокон века считается одной из самых вкусных. Ну, ершей еще парочка попадётся, чебаков один-два... А то и окунёк. Уха – что надо! И я понял, что это такое – рыбалка пескариная...

Любая рыбалка – это река, вода, солнце, дождь – а то и гроза... А еще у меня на всю жизнь остались в памяти... стрижи! Высокий обрыв всегда был позади нас, и сквозь треск моторок, плеск воды, звуки музыки – мы постоянно слышали верезжание стрижей. Там, где начинается песчаный откос, спускающийся к воде, поднималась отвесная стена из твёрдой земли, и вот она была вся изрыта дырками, а туда-оттуда всё время вылетали-залетали черные стремительные птички – стрижи. Крутились в воздухе, издавая резкие звуки. Вerezжание. Наверное, даже наверняка, в этих норках были их гнёзда, хотя никаких птенцов мы ни разу не видели. Иногда мы стояли, наблюдая за стрижами. Один раз,

помнится, пришло нам в голову к этим дыркам полезть. Кажется, ступеньки мы проделали. Высоко, трудно, но долезли! Пацаны везде долезут. Попробовали расширить норки-дырки, прокопать подальше – ничего не нашли, не поняли, куда стрижиные ходы идут – и бросили это дело.

И слава богу. Очень хочется верить, что потомки тех, наших стрижей, живут-поживают на том же месте, и никуда не улетели, и никто их больше не тревожил...

Заканчивался август, заканчивалось лето, заканчивалась наша рыбалка. Приходила осень, зима, а с ними и серьёзная жизнь, учёба. Случались радости, и горести – детские, конечно, детские, но порой и совсем не детские. Когда бывало плохо – тогда, вечером, уже в постели, вдруг появится перед закрытыми глазами прыгающий поплавок на лучистой воде – и мягкий, тёплый свет успокаивающими волнами войдёт в душу и сердце, ласково погладит по голове с выгоревшими на солнце волосами, и придёт сон – спокойный и счастливый...

Не было у меня в те годы удачливой рыбалки, но прошло время – полвека! – и стало ясно: она вся была сплошная удача. Как сейчас вижу себя, десятилетнего, с самодельной удочкой на берегу... Значит, и сегодня мне увидится: среди скачущих лучиков, на тёплой воде – мой пробковый поплавок – на реке детства.

Санкт-Петербург,

25 августа 2012 года.

Мои родные староверы

Икона

Есть у меня одна икона... Стоит в Петербурге, на полке среди других икон. Она для меня – самая главная.

Другие, современные, купленные в церковных лавках за последние двадцать лет – самые разные: яркие, блестящие, закатанные пластиком – и самые простые, бумажные, производства 1990-х годов. Есть среди других и одна старинная: большая, потемневшая от времени, с металлическим окладом, в деревянном коробе, под стеклом – и лежит под ней чей-то давний венчальный веночек...

А моя – целиком из желтого металла, хоть и небольшая, но тяжеленькая, со следами грубоватого литья, и на обороте кое-где тронутая зеленью. Моя... Старообрядческая. Сколько ей лет? Не знаю, да мне и знать не надо. Досталась она мне от матери, Ольги Прокопьевны, а к ней попала... Самым необычным образом!

Где-то эдак в году 1965-м мать была в одной деревне под Бийском. Сидела на берегу речки, где купались местные ребята, и где ходил скот – коровы, лошади – место и шумное, и затоптанное... Мать надумала сполоснуть ноги, и заходя в воду, на чем-то поскользнулась – нагнулась, покопалась в песке-иле – и вытащила икону!

– Я сразу ее узнала, – такая была и у дедушки...

Икона лежала изображением вниз – потому и поскользнулась мать... Потому и сохранилась – не повредили ее ни конские подковы, ни тележные колеса, и ничто другое...

Почему нашла мать – будучи впервые на этой речке? Воля Провидения, воля Божия, никак не иначе!

Сколько лет пролежала? Трудно сказать. Могли забросить богоборцы 1920-30-х годов – да деревня-то не староверская, таких икон тут быть не должно. Получается – обронили с воза староверы, когда переезжали речку? А когда переезжали? Ого-го! Когда переселялись в глухие места, на пути в Горный Алтай, в поисках свободы для своей веры, свободы для себя, свободы от притеснений, в поисках царства добра и справедливости – Беловодья... А было это в конце 18-го – начале 19-го века... Впрочем, как утверждают историки, подобные иконы в массовом количестве начали лить во второй половине 19-го века, на Урале, и большинство алтайских икон – уральские. Есть еще один вариант, почему икона оказалась в реке: в 60-е годы двадцатого века начался кризис староверских общин, умирали последние носители веры, и когда священный предмет передать было некому, его, по обычаю, могли закопать в лесу, оставить на ветке дерева – или опустить в реку. Оставить на Божий промысел...

Найденная икона в Бийске лежала на этажерке, среди моих книжек-учебников, я иногда брал ее в руки, рассматривал... Ничего, разумеется, не понимая – просто как нечто из другого мира, необычное. Чтобы привесить ее на стену, хотя бы на гвоздик – и в голову никому прийти не могло. Зачем?.. Никто вокруг ничего не знал о Боге, о Христе, не знал молить, никогда не крестился – вообще ничего такого не знал и понятия даже не имел. А что имел – забыл...

Появись икона на стене – насколько бы она не соответ-

ствовала всему вокруг – и в доме, и за стенами дома – даже и сказать нельзя. Мы все были, я бы так определил – естественные атеисты. Много лет спустя я прочитал слова Иоанна Златоуста, смысл которых таков: если бы все люди были идеальные, то и религия была бы не нужна. Но мы-то совсем не идеальные, и грех вокруг бурлил и кипел...

Чего стоило одно только беспробудное пьянство моего отчима – и многоэтажные маты! Да и не отчим он был мне, а так... Прибился к нам когда-то мужик: вначале было что-то вроде похожее на семейную жизнь, а потом он просто жил сам по себе. Так десять лет и прожил. В пьянке, матах и табачном дыму – до самой смерти. Впрочем, это отдельный сюжет... Можно вспомнить и какие-то проблески, отчего я сейчас иногда поминаю Валентина Алексеевича... Но отдельный, отдельный сюжет – тем более что он был не из староверов.

Лежала себе икона, лежала – и привлекла внимание одного моего приятеля, начинающего коллекционера.

– Да это и не икона – так, от створня часть, – определил он. – Ты мне ее продай, на обмен пойдет.

От створня часть – это часть створчатой иконы, значит; а на обмен – это он ее обменяет на что-нибудь для себя подходящее... Хотя наше семейство находилось даже не в бедности, а в глубокой, настоящей нищете, в каком-то люмпен-пролетарском положении, и каждый рубль для нас имел значение (а он предлагал целых десять рублей), я продавать

отказался. Потом приятель приходил в мое отсутствие, пытался купить икону у матери – не купил... Не суждено было ей закончить свой путь в груди копеечных обменных предметов, переходящих из рук в руки.

Теперь стоит на полке в Петербурге, и смотрю я на нее с полным пониманием – давно уже. Хотя... Бывали такие времена – когда я только-только перебрался в Ленинград-Петербург... Не то что иконе – мне самому едва-едва находилось место – на полу, в чужом углу. Ей-богу, понятия не имею, как икона оказалась со мной в Ленинграде! Выражаясь по-ленински, я пребывал уже в архилюмпенском положении. Все свое ношу с собой – так сказать было нельзя. Все свое носил на себе. Однако икона тоже оказалась на берегах Невы... Да впрочем, какой там Невы! Обводного канала – грязно-мутного потока на краю исторической части города. Думаю, только икона и помогла преодолеть ад коммунальной жизни – жизни в коммунальной квартире, когда я не то что про икону – про самого себя-то едва помнил, заедаемый клопами и комарами, осаждаемый крысами – и страшными питерскими коммунальными алкашами. И на работе тоже был ад.

Икона где-то тихо ждала своего часа, когда я наконец возьму ее в руки, как в юности, рассмотрю – и поставлю уже на видное место...

Прошли годы, мое терпение вознаграждалось, волшебная жизненная шкатулка все более и более открывалась – в ней

находилась и счастье обретения веры – и вот икона дождалась того часа, когда на нее люди помолились. Правда, сначала не я, а мои гости – православные люди из Америки, русские старообрядцы из штата Орегон – потомки тех староверов, которых двести лет назад икона хранила на их трудном пути в Горный Алтай, в поисках свободы, добра и справедливости...

Горный Алтай

Мои родные староверы почти все родом из Горного Алтая. Даже если они проживают, или происходят из Орегона, Бразилии, Китая – даже с Аляски – все равно их корни – в Горном Алтае! А самые близкие мои родные – конечно, из Бийска, где я и родился, и где с детства был окружен своими родными – староверами. Все корни которых – в Горном Алтае, и с той поры, как я начал что-то понимать, на всю

жизнь усвоил: Верх-Уймон, Усть-Кокса, Кокса, Мульта, Катунь, Белуха и другие названия сел, рек, речек и гор – даже и не зная, что это такое и где находится.

Село Верхний Уймон с горы Верхушка. 2011 год.

Особенно часто упоминался Верхний Уймон – родное село матери и тетки – Татьяны Прокопьевны, тети Таши. Она мне была как вторая мать...

В конце 1950-х – начале 60-х годов, когда мне 8-10-12 лет, родственники мои были еще люди молодые. Молодые, но уже и не молоденькие – под 40, за сорок. Горный Алтай, где прошло детство и юность, они покинули уже давно, началась пора воспоминаний...

Верхний Уймон... И дедушка: Вахрамей Семенович Атаманов. Именно он упоминался в первую очередь, не мама даже – Марьяна Карпеевна, не отец – Прокопий Варфоломеевич, а дедушка – Вахрамей, по книжному – Варфоломей. Он был глава большого кержацкого семейства – полновластный хозяин дома, всего хозяйства, распорядитель всех житейских и жизненных дел. И все это значило одно: он сам

– первый работник, не указчик, не приказчик, а работник. Кстати: кержаками, как я понимаю, сами себя уймонские старoverы не называли – так их называли люди сторонние.

Работа... Работа с раннего утра – и до позднего вечера, по-другому и быть не могло. Представьте только себе – нет электричества, нет почти никакой техники, а любой продукт, любой товар нужно произвести, изготовить самому: хлеб, мясо, масло – одежду, телеги, доски – все, все, все!

– Ох, рученьки мои, рученьки! – махал руками в изнеможении Вахрамей Семеныч, – рассказывали мне мать и тетка.

Помашет руками, передохнет чуть-чуть – и снова в работу...

К работе приучались все, с раннего детства.

– Мы – пояски ткали, – говорили мне тетка и мать.

Пояс – важная часть староверского бытия, даже не одежды, а именно бытия! Им подпоясывались рубахи и сарафаны, без него нельзя находиться никогда, и никогда не снимать. Почти как нательный крест! Он отделял человека от греховного мира, оберегал от нечистой силы... Кроме обиходного значения он еще и предмет веры, символ веры.

Пояс является любимым изделием староверов, изготавливается их много, самых разных цветов, орнаментов и видов. У каждого в доме хранится целый запас поясов: пользуются

ими сами и одаривают гостей. У меня дома в Петербурге – целая коробка с поясами из Орегона! Они украшены не одними только геометрическими орнаментами, но и мудрыми изречениями из старообрядческих книг. Например: «Богородица, благословен плод чрева твоего, яко родила еси Христа Спаса, избавителя душам нашим»...

Из Орегона – то же самое, что из Горного Алтая, Уймона, и окрестных сел, где сейчас возрождается традиция изготовления поясов. Достают из оregonской коробки, рассматривают... Теперь достают привезенные из Верхнего Уймона – то же самое. Слава Богу, слава Богу – жива традиция, не этнография – сама жизнь!..

Впервые жизнь Верхнего Уймона я увидел в далеком 1964 году, когда мне было 14 лет, и нигде кроме Бийска я до этого не бывал... Чисто городской парень.

– Прямо Древняя Русь, – заявил я, стоя посреди улицы и оглядывая все вокруг.

До-о-лго потом мои родственники посмеивались, пересказывая друг другу мои слова... Бревенчатые дома, старые, от времени – серые, словно шелковые. Самое большое впечатление произвели заборы, ограды – так называемые прясла: толстые длинные жерди, лежащие своими концами на широких торцах вкопанных в землю бревен. Очень основательные сооружения.

Дома – вида сурового, безо всяких наружных украшений. Внутри – довольно просторные: большая русская печь, гор-

ница, полати, широкие лавки вдоль стен... Узнала ли все это моя душа, отозвалась ли как-нибудь? Удивительно: нет! А ведь за мной стояли десятки крестьянских поколений – и многие века деревенской жизни. Как же легко обрубаются человеческие корни – одним ударом!..

К тому же я был уже почти взрослый, и жизни деревенской, повторяю, не видел. В Бийске мы жили в районе так называемой новостройки: двухэтажные кирпичные, деревянные дома, бараки – потом появились панельные пятиэтажки. Вокруг кипела Всесоюзная ударная комсомольская стройка! Строили целый комплекс оборонных предприятий, в народе называемый «лесные братья»: они находились в лесу. Благодаря этим «братьям» город вырос, думаю, раза в три... В Бийске появились невиданные доселе люди: москвичи, ленинградцы, да еще «чучмеки» – так называли кавказцев. И прочие, прочие, прочие... Были даже академики, как я потом узнал!

Ну, а я со всем своим окружением очутился в «бараках коммунизма». Это был прогресс! До того, после потери всего имущества и хозяйства – от «раскулачивания» – мои родные старoverы, оказавшись в Бийске, снимали углы... А некоторые и без «раскулачивания» сбежали в город – жить в деревне невыносимо...

«Баракы коммунизма» разнообразны: мне довелось пожить и в интернате, и даже, недолго – в детдоме. Я становился настоящим советским человеком – что называется, до мозга костей. Естественным атеистом. Притом очень подкованным! Запросто мог целый кроссворд разгадать. Мой отчим, Валентин Алексеевич, бывший интеллигент, нередко посылал меня в газетный киоск.

– Сбегай, возьми газет – всех по одной.

Газеты стоили копейки, я притаскивал домой целую пачку, «всех по одной» – и мы сидели, и все подряд читали: и про международное положение, и про социалистическое соревнование, и про дальние города и страны, и строительство коммунизма, и «религиозный дурман»... Про все на свете.

Так что стоял я, четырнадцатилетний подросток, посреди уймонской улицы, как настоящий гражданин мира. Хотя из «бараков коммунизма» – но с мыслями о Париже и Нью-Йорке!

А в Уймоне жизни не было – так мне тогда показалось. Человеческая память устроена таким образом, что подростковые впечатления помнятся гора-а-здо лучше, чем, скажем, 30-летние, 40-летние... Помню я все прекрасно. Нет, разумеется, был в Уймоне колхоз, были фермы, поля, трактора, покосы и все остальное, только деревня стояла пустая... Покажется старик, пробежит ребенок – и больше ничего. Грязь на дороге, серые избы, заборы – и тишина. А если вспомнить, что это начало 60-х годов, то и все остальное тоже серое: одежда, предметы – все... А главное – пустота. Мне еще мать говорила, что после войны деревни и села опустели.

– До войны по деревне идешь, народу – полно! Разговоры, смех, веселье было, все как-то в жизни уже утряслось. У меня даже гитара была, хоть я и в чужом углу жила. Устоялось, утряслось... А после войны – пустота...

Пустоту я и заметил.

Однако, были времена, когда жизнь в Уймоне текла широко, полнокровно, естественно, когда люди работали для того, чтобы жить, знали время для отдыха и для праздников, всегда помнили о Боге – и знали, для чего они живут. Мои родственники получили прививку из этой жизни, но, едва войдя в жизнь, были от нее оторваны... Прививка, однако,

оказалась столь сильна, что они прожили свою жизнь... ну, почти в соответствии со словами Иоанна Златоуста! Потому и я, пишущий сейчас эти строки, истинно дивлюсь самому себе: и тогдашнему, 14-летнему, и 40-летнему, и даже 50-летнему... Не было же ничего, чтобы я начал истинно жить! Только молитвы моих родственников, бабушек и дедушек, стоящих у престола Божия, и просящих за меня...

У престола Божия, в красоте Божией они прожили свою жизнь и здесь – на земле. Беловодье – они ведь и нашли его – и создали! Хотя, по сердечной простоте, все продолжали искать, и мечтать о нем...

Красота Божия – это Уймонская долина, что в самом сердце Горного Алтая, и где расположились деревни Верхний Уймон, Нижний Уймон, Мульта, маленькая Тихонья – и большая Усть-Кокса...

Горный Алтай, деревня Тихонькая. 2010 год.

А вокруг – зеленые горы, а вдали – горы в снежных шапках: белки... Впервые на одну из ближайших гор я забрался тогда, в 1964-м, вместе с одним из многочисленных родственников, троюродным братом. Вот, я стою на фотографии, сделанной им: за мной, внизу – районный центр Усть-Кокса, а в долине сливаются реки, зеленая – Кокса, и голубая (белая!) – Катунь. И синее небо... Цвета я запомнил с тех

времен – а фотография, разумеется, черно-белая.

Любовался ли я всем этим тогда? Человек в таком возрасте не любит – он живет всем окружающим миром!

Как и жили мои родные староверы, во всяком возрасте... Работали, растили детей – и растили свою пшеницу, которую любовно называли «Аленька» – за ее красноватый цвет. Особая пшеница, из нее, говорят, пекли караваи к царскому столу.

Скота до революции 1917 года держали без счета – масло также попадало в Зимний дворец... А в лесах, в горах – ягоды, грибы, всякие растенья и коренья, а в реках – рыба...

Божия благодать.

... «И считает Вахрамеем число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой... Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», – зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...».

Знакомо. Сказ про Иосафа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь Ботхисатва – Ботхисатв переделано в Иосаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

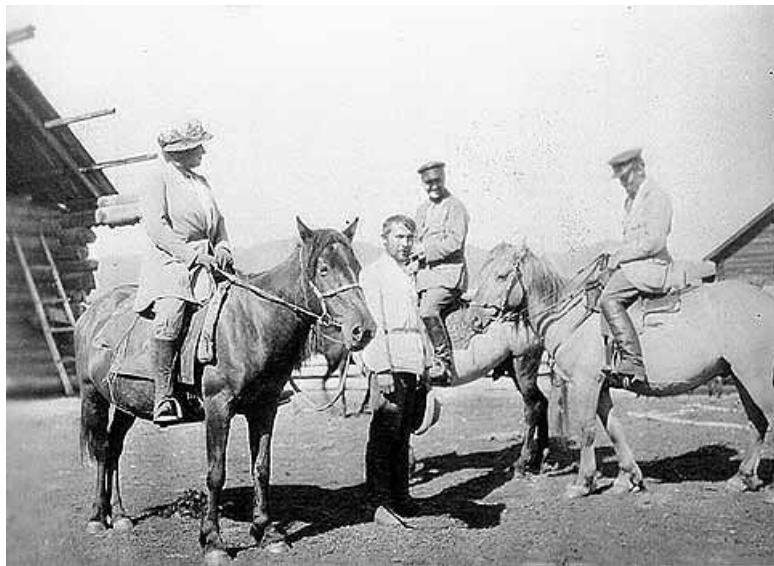
Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное – знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любитесь ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, просветляется ликом, и гладит их, и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семеныч! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос».

У дома Атамановых. Мужчина слева, в белой рубахе – мой дед Прокопий с дочерью Олей – моей мамой. Рядом с Прокопием – Вахрамей Атаманов. 1926 год

Так пишет о моем прадеде в книге «Алтай – Гималаи» художник Николай Константинович Рерих... Во время своей Центрально-азиатской экспедиции 1923-1928 годов, летом 1926-го, Рерих останавливался в доме Атаманова в селе Верхний Уймон в Горном Алтае. Несколько десятилетий там

существует музей, построенный, созданный поклонниками Рериха со всех концов Советского Союза, России.

Мой дед Проконий (стоит) с участниками экспедиции Рериха в усадьбе Атамановых в селе Верхний Уймон. 1926 год.

В Верхнем Уймоне мне довелось побывать и в 1983 году, когда там только-только создавался музей. По итогам поездки опубликовал я путевой очерк в журнале «Нева».

Всю жизнь имя Рериха сопровождает меня – в отдалении,

в отдалении, но сопровождает. Когда-то мать и тетка рассказывали о приезде рериховской экспедиции – не зная ни о каком Рерихе и экспедиции, а называя всех одним словом: американцы. Потом сам что-то почитывал, репродукции рассматривал, на выставки ходил. Иногда рериховцы (члены рериховских обществ) интересовались моей скромной персоной – в связи с Вахрамеем и музеем... Почитал-полистал в свое время огромный труд доктора богословия, диакона Андрея Кураева – «Рерихи: сатанизм для интеллигенции». Об их учении...

Прошли годы, и вот что я могу сказать сам.

В том же 1926 году Рерихи побывали и в Москве, куда привезли послание махатм – восточных мудрецов, и ларец «со священной гималайской землей, на могилу брата нашего, махатмы Ленина». Н.К.Рерих пишет: «В 1926 году мы имели долгие добрые беседы с Чичериным, Луначарским, Бокием. Мы хотели тогда же остаться на Родине, приобщившись к строительству. Но мы должны были ехать в Тибетскую экспедицию, и Бокий советовал не упускать этой редкой возможности».

А вот какие строки содержатся в послании махатм: «На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий... Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов... Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность

личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса... Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага...

Знаем, многие построения совершатся в годах 28 – 31 – 36. Привет вам, ищущим Общего Блага!».

Такие вот премудрости... То есть все сотворенное большевиками – махатмами одобряется, а Рерихами – принимается. В книге «Основы буддизма» написано: «Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны...»

Притом, что все 20-е годы, особенно – 30-е, в стране шло уничтожение, прямое уничтожение ни в чем не повинных людей. Миллионов людей! И участь многих из тех, с кем Рерих вел «долгие добрые беседы» уже была предрешена...

И Жар-цвет на Гималаях вырос не для Вахрамея Семеныча. И пожелание: «Здравствуй, Вахрамей Семеныч!» – не для Вахрамея Атаманова. Как раз в те дни, когда писались эти строки, он, как и миллионы других, был «раскулачен».

Мать и тетка рассказывали мне, как это происходило. Все-все отобрали – и отправили на север, в так называемый Нарым. Долго везли в телеге, и на барже везли – и высадили на пустой берег какой-то реки.

Люди пытались копать землянки, но мёрли как мухи – есть совершенно нечего.

– Гнилушки толкли и ели, – рассказывала мать.

Через некоторое время детей увезли в детдом, а взрослые все остались там, на берегу. И могилка Вахрамея там осталась...

Такое вот «уничтожение семьи лицемерия».

...Беда ведь в том, что в царской России Рерих не один оказался таким, для которого «религия есть учение всеобъемлемости материи» – по махатмам.

По-православному – восточные лже-премудрости...

И когда сегодняшний человек начинает толковать про «бога в душе», показывать пальцем на сердце – значит, человек уже создал свою секту – пусть и только для себя... Что в конце концов и приводит к неразличению Добра и Зла. Всякому помутнению сознания... Пошел я как-то в библиотеку, в Петербурге, взять домой «Живую Этику», почитать, освежить знания, так сказать. Сразу встретил «рериховцев». Едва только заговорил, зачем пришел, библиотекарьша мгновенно заявила:

– Христианство – самая злая религия!

«Живую Этику», она, оказывается, хорошо знает, «Агни-Йогой» много занималась...

Что к чему?.. Чуть попробовал возразить – другая библиотекарьша, проходя мимо, вздохнула мне в ухо:

– О, господи...

Чепуху, дескать, говорю...

Библиотекарши – дамы знающие, начитанные – посовето-

вали мне еще зайти в магазин «Роза Мира». (Можно поиронизировать в духе моего любимого Бунина: разумеется – Роза, разумеется – Мира!). Зашел. Книги, плакаты, буклеты, амулеты. Представлены, кажется, все секты мира! Накурено благовониями, зудит восточная музыка, в клубах дыма бродят полоумные старушки, дамочки, блаженного вида граждане... Несколько полок – труды Рерихов. Есть солидные, дорогие издания, прямо академические. А есть, и много – вот такие, простецкие: на обложке – «Агни-Йога» – и все... Но тиражи – гигантские.

Вот вам и «разрушили тюрьму воспитания» вот вам и «сожгли войско рабов»...

На столе передо мной красочная книга 2003 года: «Усть-Коксинский район» – в этом районе Республики Алтай и находится село Верхний Уймон. Пишет генеральный директор одного из предприятий:

«Самый серьезный барьер, с которым пришлось столкнуться – это многолетний алкоголизм рабочих и, как следствие, резкое ухудшение здоровья работников, прогулы, снижение качества выполняемого труда, отягощенная наследственность, общая деморализация и злокачественный атеизм».

Вот вам и «упразднили церковь»...

...Лет пятнадцать-двадцать назад по телевидению часто показывали большой, часа на полтора документальный фильм о Рерихе. Многократный повтор в этом фильме – на-

плывающее на зрителя лицо Рериха на фоне окна дома Вахрамеевского.

Смотрите, смотрите на реальность, Николай Константинович...

Впрочем, никакого дома не было уже в 1960-е годы: низко и уныло стоял один этаж из двух, а к началу 80-х лишь торчали остатки стен... Рериховцы для музея возвели неподалеку дом из лиственницы. А потом уж был отстроен и дом Вахрамеевского...

В 2006-м еще раз съездил я на родину предков, в Горный Алтай. Поездка пришлась на знаменательные даты: 250-летие добровольного вхождения алтайского народа в состав России и 80-летие экспедиции Рериха. Приехав в Усть-Коксу, сразу же оказался на хорошем, полезном мероприятии: архивных чтениях в районной администрации – «Встреча эпох»...

А после этого и на застолье с любезными хозяевами. И уж на следующий день прошелся по знакомым – незнакомым улицам, через 23 года...

Зав. музеем им. Н.К. и Е.И. Перихов (2004-2010 годы) Елена Королёва с дочерью Дашей. Как историк она многое сделала для изучения жизни староверов.

Вспомнился 1983-й... С дороги тогда надо было перекусить, зашли в столовую: хлебная котлета, лапша комком, компот – желтая водичка, и цена – как в ленинградском ресторане. Выйдя на крыльцо столовой, увидели, как толпа штурмует фургон-хлебовозку: хлеб привезли, и прямо из кузова народ его и хватал... Потом, чтоб уехать в Уймон – ждать-пождать автобус, который, по разговорам в толпе, то ли придет, то ли нет. Пришел, ПАЗик, куда втиснулась только треть толпы, а мы с чемоданами остались. Пошел я в здание рядом, райком или исполком – меня поразили дамы в бархатных платьях... Разрешили позвонить, я дозвонился в Уймон, родственникам, чтоб за нами приехали.

Приехали. На той стороне Катуня появился мотоцикл с коляской, его водитель накачал резиновую лодку, приплыл к нам – и мы, через кипящие струи Катуня, двинулись к мотоциклу. И с ветерком – на доброе застолье!..

Сейчас времена другие, как и везде – изобилие товаров, магазинов, кафе. А если надо куда уехать, сделай знак – вмиг домчат.

Однако, прекрасным июньским утром 2006 года мы с се-

мейством пошли пешочком по отличной дороге из Усть-Коксы в Верхний Уймон – около десяти километров. Красота вокруг – неопишуемая: широкая долина, вдалеке горы, на вершинах – снег, и над всем этим – голубое небо... Впрочем, мало ли на белом свете гор, долин и заснеженных вершин? А я вам приведу слова, которые сказал когда-то московский писатель Сергей Залыгин, в свое время – редактор журнала «Новый мир». Он и писатель был интересный, и человек мудрый:

– В Горном Алтае я бывал и в молодости, и в зрелые годы, а потом объездил весь земной шар, побывал на всех континентах, и могу твердо сказать: Горный Алтай – самое красивое место на Земле.

Как видите, и свидетельство авторитетное, и никакого квасного патриотизма с моей стороны.

Часть пути от Усть-Коксы с нами прошел случайный попутчик, местный резчик по дереву – сдавал в райцентре свои изделия. Проходили мимо небольшой деревеньки, и я вспомнил, как бывал в ней когда-то мальчишкой – расчувствовался, сказал об этом своему попутчику...

– Пьют по-страшному, – неожиданно ответил он. – Каждый месяц кто-нибудь умирает с пьянки.

Вернул на грешную землю, пусть и такую прекрасную... Перед самым Верхним Уймоном – еще одна красота, рукотворная: новый мост через Катунь. Наконец – Верхний Уй-

мон, небольшое село, известное не только в России, но и во всем мире, благодаря Н.К. Рериху.

Реконструкция дома Вахрамеев Атаманова. Родственники и съемочная группа ТВ из Москвы. 1999 г.

И вновь я посетил, через много лет, музей его имени, прошелся по усадьбе прадеда, В.С.Атаманова...

После нашего культпохода вышли мы на дорогу. Никого. Только пьяный мужик попался навстречу. У него и узнали, где магазин. Купили, чего надо, сели на берегу Катуня – одной из самых красивых рек мира – по словам Залыгина, помянули всех Атамановых... Ведь даже младшего, последнего сына Вахрамея – Симона – в 1937 году расстреляли. Ведь им (для верности, что ли?) кроме «кулачества» шили еще и «бандитизм». Комиссар Пакалн, пустоглазая чучундра, что расположилась в Улале – Горно-Алтайске, дело свое знал...

В Барнауле, в краевом архиве, я видел «дела» уймонских крестьян – там не только Атамановы, но и другие фамилии. В длиннющих протоколах допросов фигурируют: 1 (одна) винтовка и 1 (один) револьвер «Смит-Вессон».

Естественно, какое-то оружие у крестьян в тех краях, в те времена было. Конечно, они возмущались, и как-то противились новой власти. Вот строки одного из протоколов:

– Хлеб сдавать не будем. Что это за власть? Приходят, отбирают насильно, описывают, продают. Прямо-таки дневной грабеж!

Да еще «банда», «бандиты»... И всех – сослали, расстреляли, разогнали по белу свету...

И вспомнились еще мне, из рассказов матери и тетки, не «кулаки» и не «бандиты» – одни из ближайших соседей Атамановых. Фамилию помню – однако не назову, сейчас поймете, почему.

Будучи детьми, мать и тетка забегали и в этот двор – и через много лет, уже взрослыми, смеясь, описывали мне его так:

– Вся изба вокруг обгажена, огород бурьяном зарос, а сами все на лавках лежат. Бывало, придут к нам, упадут дедушке в ноги: «Вахрамей Семеныч, дай немного муки, Христа ради...» Дедушка и велит им дать пуд муки.

Нет, они были никакие не больные – просто известные на всю деревню лодыри: землю не пахали, огород не сажали, и

даже уборную не строили – бурьян же есть...

Из лени лень! Но лень, хоть и страшна как грех, все же не самый страшный грех – потому и смеялись мать и тетка.

Самый страшный грех совершали те, кто уничтожал деревню, уничтожал Россию. И не надо прикрываться никаким раскулачиванием, никакой коллективизацией, «борьбой нового со старым».

А «неперспективные деревни», а бесовский «перестроечный» крик: «деревня – черная дыра»?!

Это было прямое, умышленное уничтожение. Умышленное!..

Вышли мы с бережка опять на дорогу. Никого. Вот-вот начнет смеркаться, пора бы ехать в гостиницу в Усть-Коксу. Вдруг появляется джип с новосибирскими номерами. Останавливаем. Нет, ему в другую сторону. В раздумье стоим на дороге: надо пойти по деревне, поискать родственников, нагрнуть, что называется... Но снова, теперь с другой стороны, летит тот же джип.

– Садитесь! До Усть-Коксы, оказывается, всего-то десять километров – отвезем!

И хорошие люди из Новосибирска, само-собой бесплатно, домчали нас до Коксы, развернулись, улыбнулись – и улетели по своим делам... По пути в гостиницу – еще одна, последняя, сцена. Идем по улице, и в ряду других домов – маленький, серый, замшелый домишко, а во дворе – только трава, а посреди двора с неприкаянным видом сидит на чурбаке

средних лет мужичишка. Я пару раз на него оглянулся, и он крикнул:

– Эй, чего смотришь?

Я помахал рукой – привет...

Сколько таких домишек – мужичишек по России? Больше, чем донов Педро в Бразилии – и не сосчитать... Бразилию я упомянул не случайно! Мы к ней еще вернемся – в связи с моими староверами...

А пока вернемся в самое красивое место на земном шаре – Горный Алтай. Дай Бог ему счастья и процветания, а самым красивым Сергей Залыгин его назвал в телевизионной беседе с Валентином Распутиным, когда обсуждалось строительство Катунской ГЭС: оба выступали категорически против. Не знаю, окончательно ли остановлен проект, или за минувшие 20 лет было просто не до него. Однако, планы по развитию энергетики в России озвучены грандиозные: второе ГО-ЭЛРО, мол, требуется. Как бы не вернулись к старым планам на Катунь... Не в этом ли будет и заключаться «последняя битва добра и зла» – на реке Катунь, о чем говорится в книге Рериха?

Хочется верить: продолжится жизнь. Как виделось Рериху в добрых строках его книги «Алтай – Гималаи».

«И странно и чудно – везде по всему краю хвалят Алтай. И горы-то прекрасны, и кедры-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны».

«Говорят, на Алтае весной цветут какие-то особенные

красные лилии. Откуда это общее почитание Алтая?!».

«Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры.

...Увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород»...

К счастью, к великому счастью – это все осталось.

Людам бы счастья на такой прекрасной земле...

Тува

Навсегда запомнились названия деревень: Владимировка, Шурмак, Самагалтай, Балгазик... Хотя правильно, вроде, Балгазын. Но какой же русский, да еще старовер, будет говорить Балгазын? Балгазик!

Лето 1965-го для меня стало прямо-таки староверческим паломничеством: мы и в Коксу – Уймон еще раз съездили, а потом и в Туву – все по родственникам, по родственникам...

Наши родственники из Тувы. Середина 1960-х годов.

Если Уймон помнится мне тихим и безлюдным, то в тувинских деревнях жизнь была ключом. И дети, и старики, и мужчины – женщины в расцвете сил. Которые встречали нас со всем родственным радушием, хотя все они были нам двоюродные-троюродные, а то и далее того. По старой-то вере – до шестого колена родниться надо! Во всяком случае, шестиюродным братьям–сестрам жениться – выходить замуж друг за друга запрещалось. Родня. Если в Уймоне и окрестных селах колена такого родства в 60-е годы вряд ли можно было отыскать, то в Туве картина другая. Народ сохранился. Судя по тому, что в каждой деревне у нас с матерью находилась масса всяческой родни, народ сюда перебрался из Горного Алтая. Впрочем, историческими изысканиями я не занимаюсь: возможно, русские деревни существовали здесь и ранее, а я пишу о том, что сам видел и слышал.

Мужики мне рассказывали, как происходило переселение: ехали они обозом, со всем домашним скарбом, семьями, с женами и детьми, со скотом – а тувинцы иногда налетали, пытались налетать на обоз верхом на лошадях. Тувинцев можно понять: они хозяева здешних мест, а к ним без спросу вторгаются какие-то чужие люди. Однако, по рассказам мужиков, достаточно одного выстрела в воздух, чтобы всад-

ники рассеивались кто куда... Тувинцы отделялись легким испугом, а положение русских староверов было гораздо серьезнее – это им приходилось спасаться бегством, как когда-то их прадедам: спасая себя, свой уклад, свой мир, свою веру... Хотя, казалось, жизнь уже так устоялась: и власть их давным-давно признала, и даже призвала защищать окраину империи от набегов «кыргызов и прочих инородцев и разгонять оных по всем горным щелям» – потому и вплоть до 1914 года они были освобождены от воинской повинности. И воевать ни с кем не надо, и разгонять... Сохранились только предания, как в 19-м веке уймонцы и жители других сел ездили в гости к родственникам в Кузнецкий округ – и если в пути на них наскакивали аборигены, то кержаки умело отбивались «батиками» – этакими палками с утолщением на конце. Вот и весь «разгон». Владели уймонские крестьяне «искусством батика» – украшали своих противников так, что другой раз супостаты к ним соваться остерегались.

Однако на такого супостата, как чучундра Пакалн в Улале, не говоря уж о московских супостатах, уймонский батик короток... Тут нужно другое «искусство батика» – которым могли овладеть такие люди, как Рерих... Но они, как видите, купились на московский «батик» – сказочно фальшивый.

Бес хитер!

Не просто власть переменилась – антихрист пришел! Начал проводить «раскулачивание» – лучших крестьян истреблять, остальных – в колхозы сгонять, и веру христианскую

уничтожать. Но козни бесовские Господь всегда разоблачает, и сегодня нам все так ясно, так ясно... Так ясно – как небо над Уймонской долиной после грозы – слава Богу, минувшей...

А пока приходилось крестьянам бежать – туда, куда власть антихриста еще не добралась – в тувинские земли. В 20-е годы Тува числилась независимым государством, и вошла в состав СССР только в конце 1944 года – так что кержаки нашли здесь землю обетованную. Спасение нашли. Начали строить дома, пахать землю, разводить скот, ловить рыбу... Жить своей жизнью. Ну, а потом – никуда не денешься – пришли все-таки колхозы, так что я уже встретил мирный расцвет колхозной жизни – сытный, спокойный, благополучный. Предложи им, в 1965-м году, вернуться к единоличному хозяйству – возможно, никто бы и не согласился. А молодежь, 17-18-летние – образованные, современные, цивилизованные люди космического века!

И на религию власть не «наезжала»: церквей-то нет, закрывать нечего. А приказать не верить – ну, до такого и большевики не додумались. Однако строгой, истовой религиозности – и даже просто религиозности – я не заметил. Совсем не то, что в Орегоне, в 1989 году! Но об этом речь впереди.

Советский образ жизни все-таки быстро размывал многовековые жизненные устои. Именно так: ничего конкретного сказать нельзя – а просто-напросто нет религии места в жизни – вот и все. И это чувствовали, знали, понимали все – от

Москвы до самых до окраин. Хотя и телевидения еще почти не было, и газеты читать незачем, и на радио ноль внимания, и партия с комсомолом – сами по себе, а вот поди ж ты... Все понимали: Богу места нет. В космос люди слетали, на самое небо слетали – и сказали: Бога нет.

В небе нет – и уж тем более на Земле нет. Так люди решили. В Москве решили – ну, и далее везде такое поветрие пошло, и на Туву пришло. Старики от веры, конечно, отказаться не могли, а в молодых это поветрие чувствовалось, чувствовалось. По всем разговорам, делам, интересам, пристрастиям – к технике, например! К тем же мотоциклам – в первую очередь.

Не-е-ет, тут опять же тонкая материя. Уж какие автомобильные страсти видел я у староверов в Орегоне!.. А религии такие страсти совсем не мешали – ни на йоту не мешали. Тувинских кержаков мотоциклетная материя захватила крепко – да опять же не одна она! Вся, так сказать, аура бытия материалистическая – вот в чем дело.

Ну, про мотоциклы. Мотоциклы – это одно из первых моих тувинских впечатлений. На деревенской улице, на пыльном пяточке происходил мотоциклетный съезд известных и доступных на то время марок. Про автомобили и речи быть не могло – их просто не было, а вот мотоциклы – пожалуйста. Они и сейчас любимый деревенский транспорт – что уж говорить про тогдашние времена. Мужики и парни стояли, обсуждали достоинства и недостатки, попинывали колеса, са-

дились, давали газу, совершали круг... Ритуал! Тут же стояла и некая «дристопулька»: нечто четырехколесное, дымит и трещит – но едет!

Прокатился и я на мотоцикле – да нет, это была целая поездка, за несколько километров, на реку Тес-Хем, с рыбалкой. Поймали первую рыбку, мелко порезали, и продолжали ловить на эти кусочки. Никогда больше не видел такую рыбалку... Осман рыба называется.

Река – хоть и быстрая, горная, но текла уже по степи. Вообще Тува мне запомнилась не горами, а степями: едешь по дороге, на автобусе, а вокруг степи и степи – горы где-то далеко-далеко...

Так мы перебирались из деревни в деревню, встречаемые родственниками – и в одной из них для нас устроили особенно широкое застолье. Хозяева наварили-напекли всего – всего было много, но самые простые блюда-кушанья – это я помню, хотя, как понимаете, в 15 лет на такие вещи мало обращаешь внимания. Еще знаю, что не было в те времена такого понятия, как «салат», «гарнир» – среди простых-то людей. Это пришло позже, с распространением столовых, появлением кафе, ресторанов... В Бийске на гулянках на стол выставлялась большая миска соленой капусты, можно сказать, тазик – вот вам и салат. Вареная картошка – вот вам и гарнир.

А вот шанежки тувинские, открытые пироги с ягодой – это помню!

Хозяева пили бражку, а для гостей, для меня с матерью – купили в магазине сладкую наливку. Я глоточек из стаканчика попробовал, хозяева ласково-заботливо посмотрели, чтобы лишнего не хлебнул, дали закусить хлебом с толстым слоем домашнего масла – чтобы не захмелел.

Между прочим, господа-дворяне тоже когда-то учили своих детей, как пить: в 12 лет давали рюмочку водки, и объясняли, что это такое, и самое главное – как к этому делу в жизни относиться. Стопроцентная трезвость – исключительное явление, спиртные напитки сопровождают человека всю его жизнь, и надо не пить уметь – надо иметь трезвое, яс-

ное отношение!.. Среди моих староверов я не встречал ни трезвенников – ни пьющих людей. Выпить могут – всегда, не пьют – никогда! Бог милует...

За столом мои староверы пили брагу кружками. Пили – и пели! Духовные песни. Никаких плясок – староверы не пляшут. У меня перед глазами по сей день стоит картина : полная комната ярко, нарядно одетых мужчин и женщин – поющих вдохновенно, от всей души! Песни, правда, очень необычные, мною доселе не слыханные. Я-то уже был набит не только газетными сведениями, но и эстрадными песнями.

– Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся спиной медведи о земную ось...

Это я, между прочим, впервые услышал по радио в столице Тувы – Кызыле. Услышал – и заморожено прослушал. Все такое легкое, веселое, задорное – и так не соответствующее окружающей сермяжной правде – и зовущее жить легко, весело и задорно!.. Большая, большая политика – именно это и есть большая, серьезная политика...

Но не только в застольях да на рыбалках я бывал – довелось и потрудиться немного. На уборке сена. Люди метали стога – ну, и я что-то делал, помогал. Среди других работал и седобородый дедушка, наравне со всеми работал: подцеплял сено вилами – и подавал на вершину стога. Нелегкая ведь работа! Однако дедушка сумел увидеть между делом, что у меня порван один сандалий, и когда вернулись с поля домой, он мне его сразу зашил. А было этому дедушке, одному из моих родственников, уже 100 лет... И даже больше – 102 или 103. Сейчас он, конечно, в селениях праведников...

Да – интересный факт, связанный с тувинскими стариками-староверами: многие из них... отказывались от пенсии. Грех получать незаработанные деньги. Как их ни уверяли,

что эти деньги – заработанные. Грех!..

А в деревне Шурмак я провел диспут на атеистические темы... Хозяева – люди хотя и молодые, но оказались строго-религиозные. Слово за слово, и я, эдакий подкованный, показал свою подкованность.

– Ни один волос с головы вашей не упадет без воли бога вашего...

– Ага! – А я вот не верю в бога – как же он это позволяет? Получается, по его же воле я в него не верю?!

Хозяева на мою казуистику реагировали спокойно, без малейшего раздражения – хотя я, войдя в агитационный раж, разговаривал с ними как с людьми отсталыми, непонимающими, даже темными. Свысока вещал...

А они, понимая, что мой атеистический жар – как и всякий атеизм – дело преходящее, не позволяли себе даже оттенка снисходительности. Возражали мне просто и спокойно.

И вот я, чуть не полвека спустя, свободно пройдя через все жизненные испытания, оберегаемый ангелом-хранителем – вспоминаю эту беседу в маленькой деревушке Шурмак.

Все в жизни состоялось по воле Его – для вразумления моего. И я благодарю Господа, что он дал мне это понять...

Заграница: Китай, Бразилия, США и Швеция – и далее везде

Бийск, слякотный осенний вечер 1967 года, я сижу у тети Таси и смотрю футбол – своего телевизора у нас с матерью не было. Интересный футбол прерывается событием невероятным, для меня поистине судьбоносным: на пороге квартиры появляется гостья, молодая женщина – сказочная фея из далекой страны. Так в мою жизнь вошла Галина Васильевна Атаманова, дочь одного из сыновей Вахрамея Атаманова – Василия.

Василий, с группой уймонцев уйдя в Китай, завел новую семью – так уж получилось. Родились дети, сыновья и дочери, одна из них – Галина, моя двоюродная тетя. Приехала из Швеции. О судьбе Василия и его детей я расскажу позже, а пока – Галина.

Мои тётки – Галина Васильевна Атаманова (справа) и Кира Васильевна в городе Упсала (Швеция) – в квартире, где они жили. 1972 г.

Жителям 21-го века трудно себе представить сказочность

сюжета: появление гражданина Швеции в городе Бийске. Существовал настоящий «железный занавес», отделявший Советский Союз от всего остального мира. Говоря по-нынешнему – виртуальный занавес, но покрепче всякого железного. Сталь, броня!.. Это сейчас человек Запада – естественное явление: покупаю я в бийском киоске газету, открываю – а там интервью с американским профессором, живущим и работающим в городе Бийске. Свободно описывается, как живет-работается американцу в российской глубинке, глубже которой и не бывает.

А в 1967 году западный человек в Бийске – инопланетное явление! Для меня и так-то радостно-удивительное, да еще и молодое, родное, ко мне всячески расположенное. Держала Галина себя так просто – естественно, родственно – дружески, что я сразу и навсегда принял ее как по-настоящему родное, свое...

– Здравствуй, тетя Галя! – написал я ей вскоре.

– Если я немного старше, так уже и тетя? – ответила она мне.

И навсегда она стала для меня просто Галя.

Как же я ждал ее писем, открыток – и каким радостным, ярким событием было их появление в почтовом ящике! Письма – всегда интересные, ровные, спокойные – хотя наверняка были у нее свои сложности в благополучной шведской жизни. В Швецию она приехала только-только, из Бразилии, язык не знала, работала на кухне в какой-то лечеб-

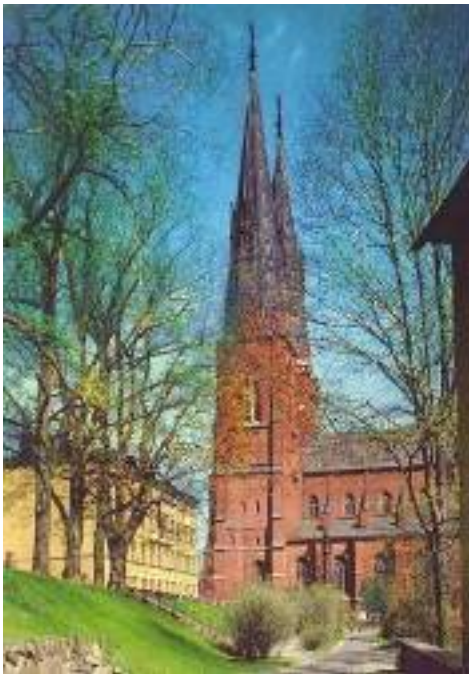
нице... Однако, никогда – ни слова – о трудностях. Только доброе, только хорошее – и о соседях, шведах, и вообще обо всем и обо всех – вот они письма, у меня под рукой – за все годы, многие десятилетия. Ни одно не потерялось! Хотя и вскрытые приходили, и с какими-то печатями: «досмотрено»... Не потерялись – еще и наверняка потому, что в каждом были слова: Спаси Христос, храни вас Бог, желаем от Господа Бога всех земных, наипаче небесных благ...

И Господь нас хранил. И ласковые слова согревали: целую, Галина. Между прочим, для того, чтобы с нами встретиться, тогда, в 1967-м, она потратила на поездку в Сибирь свои чуть ли не первые – а может и первые – отпускные деньги... Так что тут не просто обычный оборот письма: целую – это шло действительно от сердца и от души.

А какие красивые открытки присылала нам Галя! Особенно на Пасху и Рождество. Эх, не понимал я тогда смысла этих слов... Красоту видел, чувствовал, глубоко чувствовал, а смысла не знал. Но, видимо, по капле, по капле, наполнялась моя душа красотой и радостью веры, и когда подошел определенный уровень – все и открылось.

Открытки были почти в каждом письме: виды Стокгольма, Гетеборга – а также Парижа, Греции, Африки... Они даже пахли как-то по-особому! А иногда и просто какие-нибудь красивые картинки, симпатичные кошки, словно живые – эти я все передарил знакомым девчонкам... А виды Упсалы – города, где жила Галина?! Древний собор, королевский замок – люди, улицы, дома... Это был прямо бальзам на мою жадную до всякой экзотики душу! Я эти открытки словно под микроскопом изучал: каждое человеческое лицо, фигуру... Многих людей наверняка уж на свете нет – но их душа помнит мои тихие счастливые минуты, мое внимание!

Иногда Галина баловала нас и небольшими посылками: авторучки, нейлоновые рубашки, что-нибудь из секонд-хэнда, который в Швеции был бесплатный... Люди, пожившие в Советском Союзе, меня поймут – они знают, какова была ценность каждой западной вещицы. Ну, и очки для меня. В своих заметках о советской жизни, перестройке, событиях 1991 года, я посвятил теме очков–оправ немало строк... Коротко: западные оправы лицо украшали, советские – уро-

довали. Так что, спасибо шведской тете, имел я некоторую возможность покрасоваться в суровые годы повального дефицита...

Конечно, Галина приглашала приехать в гости, посмотреть, как люди живут. Помню даже, сколько это стоило в начале 1970-х.

– Ты набери, Гена, 400 рублей, и приезжай, обратно мы тебе билет купим, – писала мне она.

Четыреста рублей... В переводе на деньги 2010 года – это тысяч пятьдесят. Для поездки на Луну – а Швеция в те годы была и подальше – сумма достаточно реальная. Но... Я был

студент, а мать получала копеечное пособие по болезни – так что у нас и пятидесяти рублей на руках не бывало. И все-таки о поездке я подумывал, пока не пришло известие.

– Гена, цены у вас повысились вдвое, надо 800 рублей...

Приехали. И странное дело! Времена меняются, эпохи сменяются, государственный строй, а тенденция все одна и та же: цены повысились вдвое...

Через тридцать лет, живя в городе Санкт-Петербурге, собрались мы семейством в круиз по Европе, и в Швецию должны заехать, а там – я страшно обрадовался, когда увидел маршрут – в город Упсала! Боже мой, я даже названия улиц до сих пор помню, где жила Галя, и которые когда-то старательно выводила моя рука, обмакивая перо в чернильницу: Eriksgatan, Norrlandsgatan... Живо представил себе, как войду в королевский замок, древний собор, пройду по местам, где ходила она – войду в дом, где жила она!..

Увы, заезд в Упсалу отменили, да так ловко все обставили, что и претензии не к кому предъявлять. Однако в Стокгольме я увиделся с родной сестрой Гали – Кирой Васильев-ной. Она очень готовилась встретить нас у себя дома, но времени было в обрез, и мы встретились только в центре города, посидели в кафе. Хотя мы видели друг друга впервые в жизни, встреча оказалась очень теплой, по-настоящему родственной.

Потом, стоя на платформе железнодорожного вокзала в Стокгольме, и глядя на табличку: Упсала, я представлял, как Галина, будучи в Стокгольме, отъезжает домой, в Упсалу... «Здесь очень красиво, деревья в снежных кружевах» – пишет она мне в открытке 1970 года, отправленной с этого вокзала. А я попал в дождь, который считается хорошей приметой – на счастье. И все время, пока мы находились в столице Швеции, небеса все окропляли и окропляли нас – на счастье, на счастье...

Заграница для немалой части моих родных староверов началась в 30-х годах, когда Василий Атаманов с группой уймонцев ушел в Китай. Так что не все оказались в Нарыме, на пустынном берегу северной реки, обреченные на смерть от голода, горя и страданий. И теперь потомки Вахрамея Атаманова есть по всему свету – от Швеции до Бразилии. Но вначале был Китай, где сибиряки, вместе с другими русскими людьми со всех концов России, стали налаживать свою жизнь... Все закончилось в 1945 году с приходом советских войск. Василий был арестован, отправлен в Советский Союз, получил срок, побывал на стройках коммунизма. Остался жив, и когда освободился, поселился в городе Братске, жил в семье дочери от первого брака. Бывал и в Бийске, навещал своих племянниц – мою мать и тетку. Я его помню! В 67-м году с Галей, приехавшей к нему из Швеции, Василий отправился на родину, в Горный Алтай. Умер в начале 70-х, похоронен рядом с первой женой. Вот такая судьба...

А русские из коммунистического Китая двинулись в Латинскую Америку, по большей части в Бразилию – в том числе и семья Василия Атаманова. Один его сын, Виктор, стал архитектором, в Сан-Пауло, другой, Михаил – инженером, работал в США, дочь Кира была сотрудником банка – в Швеции. Ну, а про Галю вы знаете...

После первого приезда Галины в Россию у нас было два-

дцать лет переписки, я за это время обосновался в Ленинграде-Петербурге, так что к ее второму приезду – в Москву, из США, с семьей, на празднование 1000-летия крещения Руси – мне на встречу было ехать недолго: ночь в поезде.

Днем мы встречали американцев в аэропорту. Вместе с Галиной приехал ее муж – Прохор Григорьевич Мартюшев, и сын – 9-летний Гаврюша. Группа, прилетевшая рейсом из Нью-Йорка, оказалась невероятно колоритная! Мужчины – бородатые, в косоворотках, украшенных вышивкой, подвязанных поясами с кистями; женщины – в косынках, длинных платьях-талличках... Ткани всё блестящие, яркие, шелковые, вышивка нарядная! А люди всё крупные, рослые, свободные, уверенные в себе, спокойно-веселые, улыбчивые, говорливые... Наверное, аэропорт «Шереметьево-2» со дня своего основания не видел таких людей – притом русских, настоящих русских!

Прохор Григорьевич, которому было уже за 60, в Россию приехал впервые.

– Бедная страна, бедная, – произнес он после объятий и приветствий.

Это он углядел из окошечка самолета, когда рассматривал деревеньки, пригороды Москвы, «частный сектор» – убогие домишки, серые заборы, пыльные дороги... А сравнить ему было с чем: белый свет он повидал чуть не весь.

Из аэропорта поехали в гостиницу «Украина», поднялись на высокое крыльцо, на широкую площадку перед входом,

где нас встретили подъехавшие ранее русские – из Бразилии, Австралии – отовсюду...

– Надо же, как ты похож на Виктора Атаманова, – сказали мне, – сейчас удивишься.

Подвели ко мне маленького мальчишку, который меня не знает, а Виктора Атаманова знает. Это кто? – показывают на меня.

– Это дядя Витя из Бразилии...

Дядя Витя, правда, тогда не приехал – но, как видите, я его заменял!

Шучу. Каждый из нас занимает свое место во всемирном клане Атамановых...

Остаток этого дня был посвящен отдыху: фотографировались, ходили обедать в ресторан, гуляли вокруг гостиницы... Отдельный, особый поход совершили в магазин «Березка» при гостинице. Как бы это объяснить человеку 21-го века, что это такое – магазин «Березка» в Советском Союзе? Сказочная пещера Али-бабы? Нет, это выход за «железный занавес»! В магазинах «Березка» продавались товары западного производства, которых не было в советских магазинах, но купить которые можно только за валюту – которой не было, и быть не могло – у советского человека. Магнитофоны, джинсы, французские духи... Наши родственники купили нам с женой в подарок японский магнитофон! Вон он, и сейчас стоит, функционирует – что ему сделается?..

Набрав еще баночного пива – чудо из чудес – под восторженно-завистливые взгляды продавцов двинулись в свой номер. Пиво оказалось слабенько-кисленьким, безвкусным – про пастеризацию мы тогда еще ничего не знали – но я сидел, упорно дул его...

Галина Васильевна с устатку прилегла отдохнуть, задремала, сняла с руки часы, положила их на тумбочку передо мной... Я пригляделся: легендарные швейцарские Longines! Взял, показал жене... Галина Васильевна заметила, сказала :
– Оля , забери их себе на память, часы хорошие, золотые...

Вот такая она была – моя тетя Галя!

Ну, часы мы повертели, как диковинку, и положили на место...

Долгий летний день закончился веселым ужином в ресторане гостиницы «Украина» – с музыкой, вином и тесным дружеским общением всесветного русского братства. Переодевания к ужину, как вы понимаете, не было – разве что рубахи понаряднее надели, пояса покрасивше подвязали. Бороды расчесали – бороды ведь длинные, и «трогать», то есть подстригать – их нельзя!

Гости Москвы, такие колоритные, да все как на подбор из дальних стран, хотя и все похожие – производили фурор среди прочей ресторанной публики. На вид они, вроде, супер-деревенские, а приглядишься – ан нет! Среди них, скажу я вам, даже настоящие американские миллионеры были...

Я подслушал один разговор. Порфирий Торан – русский из Турции, живущий в США – высокий молодой красавец, привлек внимание ресторанной дамы.

Пристально глядя на него, явно будучи уверена, что перед ней участник какого-нибудь известного фольклорного ансамбля, она спросила:

– Скажите пожалуйста, а где вы танцуете?

Порфирий, а попросту – Перфил, с улыбкой ответил:

– Вообще-то, я больше пою...

На следующий день мы отправились в Рогожскую слободу, где находится духовный центр Русской Православной старообрядческой Церкви – здесь прошли торжества, посвя-

ценные 1000-летию крещения Руси. Увидел я древлеправославное благочестие, не спеша прошелся по старинному Рогожскому кладбищу, посмотрел на знаменитую колокольню – она вторая по высоте после Ивана Великого, постоял у древних икон, намоленных за века многими поколениями русских людей...

Когда настало время прощаться-разъезжаться, маленький Гавриил, правнук Вахрамея Атаманова, не хотел уезжать из России.

– Зачем отсюда уезжать? Здесь же все говорят по-русски...

Ах, поистине: устами ребенка глаголет истина!

* * *

Расставаясь в Москве, мы договорились встретиться на следующий год в Америке... Вскоре нам с женой пришли красивые бланки-приглашения на посещение Соединенных Штатов – встал вопрос о покупке билетов. Вопрос неразрешимый, поскольку быстро выяснилось: билеты купить невозможно, их просто нет – и не бывает никогда. Причина проста: любые поездки на Запад стали большим коммерческим предприятием. Люди привозили оттуда, скажем, компьютер, продавали его – и получали чистую прибыль... ну, где-то 30-40 тысяч рублей. Абсолютно фантастическая по тем временам сумма. Первые, самые-самые первые «перестроечные» капиталы делались именно на этом. Даже устроить кому-то приглашение – и 5 тысяч рублей в кармане!

Начинались серьезные дела... Это уж я потом узнал, после того, как один знакомый уболтал меня, вышел на Галю, та сделала ему приглашение, он рванул в США – и остался там, затерялся... Обдул-облапошил нас. А Галю навещали сотрудники ФБР: где ваш гость? Хорошо, обошлось без последствий.

Так что мне, собравшемуся «просто в гости», делать у международных касс «Аэрофлота» было нечего... Но билеты я купил – поистине чудом. Когда об этом узнал мой зна-

комый, пожилой врач-еврей, у которого на руках имелось такое же приглашение, он сказал:

– Геннадий Иванович, я готов встать перед вами на колени, только вы мне скажите, как вы купили билеты?!.

Вот такие пошли дела. Близилась новая революция. Переходя на большую политику, надо сказать: каждому разумному, думающему человеку было понятно – к власти в России рвутся те же силы, которые устроили в свое время так называемый «Великий Октябрь». Те же самые, из-за которых миллионы русских людей оказались за границей.

Вместе с новыми экономическими реалиями набирал силу и страшный, остервенелый «демократический» хай... Он всех и оглушил, и разума лишил – даже многих разумных, думающих людей.

Но в 1989 году еще не верилось, не верилось, что буквально через два года эти силы полностью захватят власть, преступным образом развалят страну – и «демократическим» путем, путем обмана, через всеобщие «свободные» выборы заставят народ своими же руками посадить себе на шею новую диктатуру – «демократическую». В экономике – латиноамериканский вариант, в идеологии – изощренный сатанизм. И жертв «демократическая» революция принесет побольше, чем коммунистическая – новые технологии! И русских людей за границей окажутся десятки миллионов. А роль оппозиции будет выполнять карикатурная ЛДПР, да бессильная КПРФ, парализованная марксизмом-ленинизмом...

В августе же 1989-го в аэропорту «Шереметьево-2» еще царила тишь да гладь да божья благодать. Людей в зале – наперечет, каждый, где надо, взят на учет... Избранные счастливицы заполнили бумажки и по большому приставному коридору-рукаву среди улыбающихся стюардесс проходили прямо из зала в «Боинг»...

– Уф-ф-ф-фа-а-а-а!..

Даже запах другой. Атмосфера... ну, свободы – не свободы, а некой другой жизни. Я вообще первый раз ехал-летел за границу, да еще сразу – в Америку. Не верилось. Видимо, я волновался, так что стюард подошел ко мне, и – еще до отлета – предложил шампанского. Принес бокал шампанского, потом другой, потом кипу ярких журналов подал.

Не верилось...

– Ну, – думаю, – когда где-нибудь над Германией полетим – тогда поверю!

Сижу, попиваю шампанское... Да! А сколько же с меня сдерут за этот шампейн?! Хотя мы сегодня и при валюте, однако пропить ее, даже с места не тронувшись... Ведь нам еще ехать из Нью-Йорка через всю страну – в штат Орегон!

Шампанское оказалось бесплатное, журнальчики очень занятные... Полетели.

В Нью-Йорке сели, багаж получили, в паспорта печати нам шлепнули...

– Ай эм фри? Я свободен? – спросил я у служащего.

Ты свободен! – с улыбкой воздел он руки к небу.

И поехали мы из Нью-Йорка через всю страну, от океана до океана... на автобусе. Как сели на 8-й авеню на Манхэттене – так и ехали трое суток, день и ночь, до города Портленда – только пересаживались иногда с автобуса на автобус. Во-первых, денег хватило, во-вторых – Америку посмотрели! И по Чикаго несколько часов побродили, и великую реку Миссисипи пересекли, и портреты американских президентов, высеченные среди скал, посмотрели... Среди кукурузы целый день ехали – тоже интересно!

Прибыли на автобусную станцию Портленда. Позвонили родственникам, и в скором времени – вот они, подъехали на

машине.

Смотрю сейчас на фотографию, где запечатлен момент нашей встречи... Вот я: весь такой советизировано-демократизированный, в полосатой импортной рубашке, купленной по какому-то невероятному случаю в «Гостином Дворе»; в легких летних штанах, заказанных в ателье – и все равно сшитых не так, как надо... Боже, сколько же мороки было в те времена буквально с каждой тряпкой... Рядом со мной – Прохор, в самошивной косоворотке, перехваченной самодельным поясом под изрядным пузцом; в ладно скроенных широких штанах – я поинтересовался, где бы мне такие купить...

– Да в секунд-хэнде, за два доллара! – был ответ...

Думаете, я крохобор-тряпичник? Ну что вы, что вы... Если уж самые серьезные, умные люди считают, что вообще всю советскую власть разрушил дефицит... Вот и считайте.

Галина – в длинном цветастом сарафане, а к ней прижался Гаврюшка, в голубой вышитой рубашечке... (Сегодня Гавриил – взрослый семейный человек, его фотографии вы можете увидеть на страницах книги).

А рядом с ними Ольга – в хорошем розовом костюме, с шикарной прической, над которой в Питере долго колдовал парикмахер, когда ему сказали: в Америку человек едет!

В общем, мы старались. Так, что в Нью-Йорке, в аэропорту, здоровенная толстая негритянка-полицейская, когда решался какой-то вопрос, несколько недоверчиво переспросила у меня:

– Это ваша жена?..

Дескать, слишком шикарно рядом со мной выглядит.

По пути заехали в магазин, прикупили того-сего к столу, сыграли в какую-то лотерею за 1 доллар – но где выигрыш может быть огромным!.. Помню, еще покупали бананы у входа в магазин: они чуть «в крапинку», а потому стоили буквально центы.

Почему я обо всем этом толкую... Галина и Прохор – люди очень простые, как и все русские староверы, с кем довелось мне тесно общаться в Орегоне. Их день с утра до вечера наполнен вещами и делами абсолютно простыми, практическими. Зато их душа, от момента пробуждения – и до отхода

ко сну – обращена к Богу. Мелочи жизни остаются мелочами, а сама жизнь идет строго в соответствии с заповедями Божьими. И все дела идут успешно.

До понимания, осознания такой истины многим православным людям в России, как мне кажется, еще далеко... Потому и быт заедает, и всякие мелочи жизни – жизнь отравляют, и грех уныния одолевает... Только вера, постоянное молитвенное состояние души, помогает человеку обратиться в радость каждое дело – от маленького до большого, помогает ясно видеть, чувствовать и понимать каждое событие – большое и малое. Кстати, защитит и от грозной болезни нынешнего века – депрессии, то есть, попросту говоря, нежелания жить. Когда окончательно выдавим атеистическую заразу, тогда и будем жить полной жизнью...

Как мои родные старожилы!

По отличной дороге, меж высоких сосен, близ океанского простора, мы быстро пролетели Портленд, и столицу штата – город Сейлем, и городок Вудбурн, и вот он – крохотный Bethlehem – Вифлеем – несколько домов среди ягодных плантаций. Дороги, как и всюду, где бы мы ни были в Америке – в идеальном состоянии. Причина проста: каждый штат США обсчитывает все свои нужды – абсолютно все, в том числе и на строительство, ремонт дорог – и подает заявку в

Вашингтон, федеральный центр. Заявка удовлетворяется на 100 процентов. Вот и весь секрет. Такова система власти в Соединенных Штатах Америки – не система финансирования, а система власти!

Едва мы приехали, со всей округи к дому потянулись любопытные, желающие взглянуть на нас – и поговорить, поприветствовать. Даже бабушка в инвалидной коляске подкатила. Гости из далекой России – Советского Союза – тогда еще были в диковинку. Да чего там: даже в автобусе, на котором мы ехали через Америку, водитель однажды произнес в микрофон: в нашем автобусе – туристы из России! И все посмотрели на нас – и даже раздались приветственные возгласы...

В диковинку гости, наверное, и сейчас. Какая уж, нынче, Америка, какие поездки за компьютерами... Уже в середине 1990-х, мой гость из США, пройдясь по Петербургу, заметил :

– Мне кажется, всяких товаров здесь даже больше, чем у нас...

То же самое – завалить полки магазинов всякими товарами – можно было сделать и в середине 1980-х – безо всякой «перестройки». Тем более, что все заводы и фабрики тогда работали, а в середине 90-х – стояли. Политика!

А просто так, просто в гости – кто же попрется из России – на край света? И на какие шиши?.. На какие шиши – можно было и тогда спросить, в 1989-м. На поездку в Америку мы

потратили все, все, все свои деньги – несколько тысяч рублей, что откладывались «на кооператив». На покупку кооперативной квартиры, то есть. Очередь на которую еще неизвестно когда подойдет, через много-много лет – но деньги «на кооператив» надо копить уже сейчас, отказывая себе во всем... Кстати, про этот «кооператив» мне до сих пор попадаются какие-то сладенькие рассказы: дескать, можно было «встать на кооператив» – и купить квартиру без очереди, по доступной цене.

Чушь!

Во-первых, чтобы поставили в очередь «на кооператив», нужно, чтобы тебя еще признали нуждающимся, потом стоять чуть не столько же лет, сколько на бесплатную квартиру – и все время откладывать деньги, а потом, въехав в этот «кооператив», продолжать за него выплачивать каждый месяц, много лет... Попросту говоря, одних вынуждали покупать квартиру, а другим давали бесплатно. Хотя у всех было равенство в бедности, и государство могло бы не устраивать никаких «кооперативов».

Да и не покупал никто этот «кооператив»! Собираемые за него деньги – это были сущие гроши в реальной стоимости квартиры, но для отдельного человека – деньги всей жизни...

С чего это я пустился в такие рассуждения? Да ведь самый больной в России вопрос! В России, но не в США, и где бы то ни было, даже в любой мало-мальски развитой стране.

Вспомнил я сейчас свой клоповник-крысятник-комарятник площадью 10,3 квадратных метра в коммуналке на улице Курляндской, и дом Прохора – Галины, вполне бедных людей. У Прохора пенсия 800 долларов, у Галины, гражданки Швеции – пособие по болезни, 200 долларов. И всё. А дом... Прежде я никогда в таких домах не бывал, хотя на вид он совершенно простой. Но какой большой, просторный, удобный! Сколько метров квадратных? Да кто его знает, наверное, метров 200 будет, хотя американцы меряют дом не метрами, а количеством спален. Скажем, две спальни, три спальни – и всё понятно. У Прохора с Галиной было две, в каждой – свой туалет. Кроме этого, в доме еще несколько разных помещений: кухня, и рядом – столовая, далее – ванная. Рабочий кабинет Прохора, с компьютером. Кабинет, а не закуток – как обычно бывает в России. Баня еще только строилась... Самое же главное – все большое, просторное, сразу чувствуется: никто не стремится ужать эти пресловутые квадратные метры, понизить потолки, сэкономить на удобстве – на жизни человека, в конце концов! Никуда не надо протискиваться, пролазить, всюду можно свободно шагать, с размаху стул отодвигать, широко руками разводить, двери распахивать! А в туалет, на унитаза, влезет любой ширины человеческий таз...

А гостиная?.. Ах, гостиная моя, ты гостиная... Петь хочется, стихами говорить! Дверь с веранды распахнул – и в гостиную сразу шагнул. И шагай, хоть прямо, хоть вправо,

хоть влево, и присаживайся на диван – диваны идут по кругу, дорогого гостя ждут...

Однако, войдя в дом, гость обязательно первым делом перекрестится, да с поклоном. Главное в доме – иконы, большие и малые, в каждой комнате развешенные-расставленные, с любовью украшенные цветами, расшитыми яркими полотенцами...

Нам с Ольгой выделили комнату с двумя кроватями – и со своим туалетом, разумеется... Едва мы поставили свои вещи, как сразу – за стол. Кроме нас и хозяев был еще один гость, свой, орегонский, Семен Созонтьевич Фефелов – они с Прохором Григорьевичем да-а-вние друзья... И в Китае вместе жили, и в Бразилии, и на Аляске – и даже несколько лет в Уругвае! Да, был такой период в жизни Прохора – Галины, уругвайский. На память о нем у меня имеются несколько открыток с уругвайскими видами, да несколько марок – с лицами уругвайских генералов... А сейчас мы сидим за столом в поселке Вифлеем, пьем «канадиян» – канадский виски, и разговор у нас все крутится вокруг моего приезда, прямо-таки явления в старообрядческий мир орегонской общины. Явления настолько невероятного, что забежавший на минуту сосед, знакомый вам Порфирий Торан – Перфил, аж воскликнул:

– Да... какой же черт тебя сюда занес?!

Это было первое – и последнее ругательное слово, услышанное мною в Орегоне! Перфил тут же спохватился, что

сказанул не то... Ну, а в последующие дни мы стали отличными друзьями!

Пока же – Прохор, Семен, огромная пластиковая бутылка «канадияна», запиваемого кока-колой, и уже поздний вечер, и в глазах у меня всё начинает переворачиваться вверх тормашками, и сердце у меня куда-то проваливается, и всё это не столько от «канадияна», сколько от нескольких бессонных ночей: в самолете, в зале ожидания аэропорта имени Джона Кеннеди, в летящем день и ночь автобусе... И тут Семен неожиданно заявляет:

– Ты же, наверное, еще и подзаработать хочешь? Я в четыре утра еду на Аляску – поехали со мной?..

Я встрепенулся:

– И что же я там буду делать?

– Как что? Круглое катить, плоское тащить!

– И сколько заработаю?

– Ну... тысяч по пятьдесят-то возьмем!

Помаленьку, слово за слово, выяснилось, что ехать надо в поселок Николаевск на Аляске, на морскую путину, недели на две, и время отъезда перенести никак нельзя, поскольку срок путины государство определяет в строго отведенные дни, и даже часы. А ехать надо километров четыреста до канадской границы, и там еще тысячи две – через всю Канаду, с юга на север, да еще по Аляске... А у меня уже не только в глазах всё переворачивается – я и сам уже переворачиваюсь.

Пришлось отказаться. Хотя про эти 50 тысяч долларов я

до сих пор (сами понимаете), до сих пор иногда с сожалением вспоминаю... Хотя... Бог знает, к чему бы эти 50 тысяч в «лихие 90-е» меня привели, и что бы с ними стало, и что со мной стало, окажись они у меня – тогда...

Пока же мы с Семеном Созонтьевичем расстанемся, но встретимся еще – встретимся!

Орегон, город Вудбурн. В гостях у Семёна Созонтьевича Фефелова – он в белой рубашке. Я – рядом, справа от него. 1989 год.

Спал я последующую ночь сном праведника. Проснулся поздно, и оглядывая комнату в ярком свете дня, увидел у изголовья большую, богато украшенную икону... Боже, какой же путь проделала она, через какие опасности прошла, чтобы основаться здесь, в Орегоне, в поселке Вифлеем, чтобы охранять мир и покой верных ей людей?! Но пока что этот мир был для меня закрыт, и начались обычные будничные хлопоты.

По русскому обычаю – в баню бы надо с дороги, но поскольку с вечера идти в баню не было никакой возможности... Ближайший сосед, Перфил, повез нас в баню куда-то на машине. Подъехали прямо к бане, на задний двор. Хозяйина не видно, а хозяйка занималась своими делами неподалеку.

– Можно в баню?

– Можно...

Услышав про гостей из России, она поглядела на нас, приложив ладонь ко лбу, от солнца, козырьком. Интересно, конечно, да мы-то ей – никто... Собралась уже было пойти к дому, да напоследок спросила : как фамилия?

– Атамановы.

Хозяйка преобразилась! Подскочила к умывальнику, сполоснула руки, быстро подошла к нам, радостно улыбаясь, по-

дала руку для знакомства.

– А моя девичья фамилия – Атаманова!

Надо ли говорить, какое застолье нас ожидало после бани? Евдокия Тарасьевна и Кирилл Васильевич Бабаевы расстались вовсю: даже пельмени настряпали! Явился на стол и уже знакомый мне «канадцян». Выпили за встречу, за приятное знакомство, разговорились, кто есть кто, откуда приехали такие Атамановы. Быстро выяснилось: для Евдокии Тарасьевны мы никакая не родня, просто однофамильцы – и безо всяких сомнений, потому что она со своим Кириллом Васильевичем происходит из турецких русских, в Орегоне их называют – турчане. Они – казаки-некрасовцы, потомки тех русских, что несколько веков назад, ведомые атаманом Игнатием Некрасовым, ушли в Турцию после поражения крестьянского восстания под руководством Кондратия Булавина... Двести пятьдесят лет прожили русские в чуждом окружении – и ни с кем не смешались. Община покинула Турцию в 1962-м году: кто-то поехал в СССР, а кто-то в Америку.

Конечно же, только вера помогла им сохранить себя и добиться уважения окружающего народа. Кирилл Васильевич, например, даже служил офицером в турецкой армии. Говорит, молил Бога, чтобы не пришлось воевать против русских...

Как видите, несмотря на всю простоту компании, разговор у меня везде и со всеми собеседниками сразу переходил на глобальные темы – время было такое. Я, гость, узнавал

историю и жизнь орегонской общины, а хозяев страшно интересовала наша перестройка, Горбачев – и перемены в жизни Советского Союза. Шел 1989-й год, и все мы были полны самых радужных надежд. Некоторые из орегонцев за год до этого побывали в Москве на праздновании 1000-летия крещения Руси – побывали на земле своих предков, встретили знакомых – и незнакомых родственников. А мы с Бабаевыми – побывав у них в бане и на послебанном застолье – стали просто не разлей вода!

Кирилл Васильевич Бабаев и его жена Евдокия Тарасьева. США, Орегон, 2010 год.

Сказав о турчанах, скажу и о других составных частях орегонской общины : это харбинцы и синьцзянцы. Тут всё понятно : это те русские, которые в годы гражданской войны, а потом и коллективизации, ушли в Китай – в район города Харбина на востоке, и провинцию Синьцзян на Западе. Между прочим, это очень далеко друг от друга – тысячи три километров! Потому и синьцзянцы – харбинцы, по своим привычкам, оборотам речи, некоторому бытовому укладу – люди разные. Мои Галина Васильевна и Прохор Григорьевич – харбинцы, и Прохор Григорьевич, например, подшучивал над некоторыми привычками синьцзянцев...

Впрочем, не только эти три основные группы составляют русскую общину Орегона – мне доводилось встречать даже русских из Ирана. А в конце 1980-х годов здесь стали появляться русские из Румынии, так называемые липоване – тоже не один век живущие за пределами России. Они начали прибывать в Штаты в качестве женихов и невест для орегонских русских.

А сблизила столь далеких друг от друга русских людей не только вера, но и дела церковные.

Церковь

Еще где-то в конце 1970-х, в одном из писем Галина написала, что они с Прохором пришли к мысли: нужна святость – то есть нужны священники, нужна церковь.

Крестины Емельяна Мартюшева. Он на руках сестры Галины – внучки Галины Атамановой. 2010 год.

Мысль естественная и простая: все когда-то были в лоно церкви, духовно окормлялись священниками, но потом, вследствие раскола и гонений на старую веру, утратили священство и церковь – стали беспоповцами. Когда же появилась возможность утраченное вернуть – надо возвращать. Прохор съездил в Румынию, к липованам, которые сохранили старую веру такой, какой она была до раскола на Руси – поговорил, посмотрел... Когда вернулся в Америку, вокруг него мало-помалу образовался круг желающих вернуться в лоно старообрядческой церкви.

Праздник Вознесения Господня в Орегоне. 2013 год.

Появилась в Орегоне и церковь. По воле Божией появилась – и трудами орегонских мужиков, умеющих делать своими руками всё. Вот она – стоит, как игрушечка: яркая, нарядная, красивая. Свет истины православия на тихоокеанском берегу Америки.

Но! Сразу надо сказать: многие орегонские русские не приняли священство, остались беспоповцами. Людей можно

понять: ведь и этой традиции уже не один век! Словом, в общине произошел самый настоящий раскол. Со временем он, конечно, сгладился, но тогда, в 1989-м году, был весьма и весьма острый. Люди, до этого прожившие бок о бок не одно десятилетие, прошедшие вместе по странам и континентам, оказались разделенными – не смогли найти согласия по самому главному вопросу...

Церковь находится прямо напротив дома Прохора и Галины: выходишь на крыльцо – и вот они, сине-белые купола. Метров сто по тропинке, по траве-мураве (словно где-нибудь в России!) – и ты у входа. Первые двери можно открыть, и в притвор войти, однако в саму церковь не пройти: батюшка не разрешает. Во-первых, я без бороды; во-вторых, хоть и крещеный, а все равно что некрещеный: в 37 лет крестился в никонианской церкви, и без полного погружения в воду. Некрещеный... Предложили мне и моей супруге Ольге покреститься с соблюдением всех древлеправославных – истинных – канонов. Мы долго не раздумывали – и согласились.

Погожим летним утром двинулись в путь – на речку, где есть подходящее место для крещения. Путь оказался неблизкий, километров тридцать на машине ехали: батюшка, мой крестный отец – Прохор Григорьевич, Ольгина крестная мать – Евдокия Тарасьева, и мы с Ольгой. Приехали. Очень красивое место, прямо Горный Алтай! Невысокие горы, хвойный лес, и неширокая, быстрая – но ласковая, теплая

горная речка. Место для крещения сам Господь создал: ровный каменный приступок, выдвинутый в реку, а глубина перед ним – по горлышко, и хорошее галечное дно. Зашли мы с Ольгой в воду, батюшка совершил обряд – и трижды нас окунул, положив нам ладони на головы. И вышли мы из воды уже как равные всем православным христианам люди...

Теперь могли и в церковь войти, тем более, что я бороду со времени приезда бритвой не трогал, а крестный подарил мне красивую вышитую косоворотку – и пояс. Ольге подарили платье-таличку и платок. Крестики нам обоим дали золотые. Таким образом, преобразились мы и внешне, и внутренне.

На церковных службах стояли вместе со всеми. И так, день за днем, день за днем, скоро и подошли к другому важному событию в своей жизни – венчанию. Помню, помню, как стояли мы, нарядные, пред алтарем, святыми иконами, и отец Тимофей скреплял наши узы брачные древними святыми молитвами...

После венчания нам устроили веселое брачное торжество – именно так, более веселое, нежели торжественное. Кстати, тут можно и сказать о характере орегонских староверов. У нас в России до сих пор со словом старовер связывается нечто суровое, хмурое, отшельнически-замкнутое. Наоборот : я встретил людей открытых, улыбчивых, гостеприимных – даже, можно сказать, компанейских.

Есть у меня видеозапись нашей орегонской свадьбы: такого искреннего веселья, притом в большинстве своем людей пожилых, я и не припомню. Народу собралось-съехалось довольно много, некоторых видел первый – и последний раз. Как я понял, они просто хотели порадоваться за новобрачных – и одарить хотели! Меж гостями с круглым ярким подносом, уставленным рюмками, ходил так называемый «тысячка» – и с прибаутками собирал рубли для молодых. Да-да, зеленые американские доллары гости называли – рубли. (А мы, особенно в то время – «деревянные»...). Поднос – яркий, с перламутром, золотом, стоит у меня сейчас дома, на подставке. Сувенир. Память...

Смотрю видеозапись – «тысячка» среди гостей ходит, приговаривает:

– Ножками идем, ручками несем – добрые слова скажите, а чашечку позолотите. Одна тарелочка сколько стоит, а я хочу тысячами ворочать!

Гости рюмки выпивали, зелеными «рублями» тарелочку золотили...

– Это на дорогу – чтобы молодые в гости к нам приехали!
В гости не приехали – а сердцем всегда с вами, дорогие мои старoverы...

Семейство Мартюшевых под рождественской ёлкой.

2012 год.

Поездки – встречи – впечатления

У многих ближайших соседей, однако, в гостях мы были: нас даже специально возили показывать, как редкую диковину – людей из России, Советского Союза. А уж нам-то как интересно посмотреть, послушать, поговорить!

Семён Созонтьевич Фефелов, Геннадий Иванович Атаманов и Прохор Григорьевич Мартюшев. Орегон, 1989 год.

Люди были разного уровня благосостояния: у кого дом двухэтажный, даже каменный, и автомобиль новый, шикарный... У Прохора тоже была машина большая, мощная – но «секонд-хэнд». Однако и на ней мы пересекали – будь здоров. Помню, тронулись как-то с места на зеленый свет – а рядом с нами такая шикарная машина, открытый кабриолет алого цвета, а за рулем такая шикарная блондинка! Попробовала она рвануть вперед нас, да Прохор произнес:

– Куда, голубушка, у нас сильнее...

И словно сдуло блондинку!

Пришло время рассказать, на чем держится благополучие орегонской общины. Всего русских в этом штате, как мне сказали – несколько тысяч человек, проживают вокруг столицы штата, города Сейлем, и занимаются в основном фермерством. Используют такое русско-английское словечко: фарма. Ягоду выращивают: клубнику, ежевику. Клубнику я не застал, а ежевику распробовал всячески – и поел, и пособирал... Называют они ее здесь – ажина: кусты – неколючие, а ягода – крупная, почти черная, раза в два больше обычной, дикой, висит большими гроздьями. Ровные ряды кустов тянутся до горизонта, а вдоль рядов передвигаются

сборщики: на поясе подвешено пластмассовое ведерко, ору-
дуют двумя руками, притом невероятно ловко – ягода ле-
тит, словно черные струи. Наполненные ведерки высыпают
в пластмассовые ящики с ячейками, ящики ставятся один в
другой, в конце дня приезжает хозяин – и производит расчет
наличными с каждым сборщиком. Стопки ящичков подают
на грузовик погрузчиком – и отвозят на фабрику в городок
Вудбурн. Там на проходной сдают ягоду, получают бумажку
– и всё!

Но я и в цех зашел, посмотрел, что с ягодой делают. Дви-
гается по конвейеру, ее промывают, и замораживают – гре-
мит словно камушки, и в таком виде уже идет по всему све-
ту: и на варенье, и на вино, и хоть на что.

На ежевичных плантациях, где я бывал, стоял разноязыч-
ный гомон: русский, английский, испанский. В основном ис-
панский – это мексиканские сезонные рабочие. Сначала они
идут через Калифорнию, где собирают виноград, а к концу
лета добираются и до Орегона. Те мексиканцы, что я видел
– невысокого роста, очень ловкие, за ними не угнаться. На-
чинаем собирать рядом – и через пять минут он уже далеко
впереди!.. Вспомнил еще: в конце дня, мексиканка, получив
доллары, простонародным бабьим движением сунула их себе
в лифчик. Я-то думал, так делают только наши...

А меня с Ольгой наши русские хозяева, конечно, балова-
ли деньгами, давали намного больше, чем мы зарабатывали.
Да еще в гости потом приглашали, на ужин... Сами русские

на плантации так уж строго-четко не работали, они – хозяйева, организаторы процесса. Но если ягоду где-то не успевали убирать, она перезревала, тогда шли все – хозяйева, дети, мексиканцы. Тогда и комбайн в поле выезжал, но это – крайний случай, собирает он быстро, но не чисто: обхлопывает кусты, и на транспортер попадает всё – и ягода, и гусеницы, и листья. На комбайне сидят работники, мусор отбрасывают, но за всем не успевают...

Однажды мы с Перфилом на комбайне выехали: он, я, и его дети. Перфил за рулем, а мы все управляемся на площадке: откидываем гусениц, гнилую ягоду, подставляем-убираем ящики. Одна только маленькая Марфа, ухватившись за железный столбик на краю площадки, находится в сторонке, улыбается... Льет дождь, на нее летит ягода, и бог знает что, и белая головка Марфы уже цвета ежевики... Да еще комбайн круто разворачивается!

– Свалится ведь! – кричу я Перфилу.

Он обернется, посмотрит – не свалится...

Трудовая закалка, приобщение к делам взрослых с младых ногтей. Вообще, русские слынут здесь отличными работниками, хозяевами – и уровень жизни у них повыше, чем в целом по округе!

Мотор-хоум Семёна Созонтьевича Фёфелова (второй слева), на котором он возил нас на берег Тихого океана.

Любопытно, что хотя и сами они уже американцы, но местных, коренных, англоязычных, называют так: американы. Сами же дома говорят по-русски, носят русскую одежду: косоворотки, сарафаны, платья-талички, подпоясываются староверскими поясами. И все это яркое, с вышивкой.

Живут сами – и дают жить другим. Такой штрих. Сидим как-то возле дома с одним из фермеров, толкуем о том о сем, а по дороге медленно проезжают-проплывают автомобили:

длинные, открытые, блестящие – красивые!

– Какие, – говорю, – автомобили!..

– Ну... они люди бедные, им ведь хочется как-то себя показать...

Оказалось, это мексиканские рабочие ехали с плантации.

Что уж говорить о русских?..

Ясность, осмысленность бытия, довольство во всем. Семьи большие, детей – много!

Гавриил Мартюшев со своими детьми.

Потому и никакого беспокойства за судьбу общины, спокойно отпускают детей хоть куда. При мне один парень поступил в элитную академию Вест-Пойнт – все очень гордились...

Дома, земельные участки, автомобили – какие присниться не могли уймонцам в 1980-е годы... При этом – твердая вера. Православные заповеди выполняются неукоснительно.

Орегон, 2013 год.

Надо сказать, тогда, незадолго до моего приезда, несколько дней здесь гостил известный журналист Артем Боровик. Все-все повыспросил, все-все обфотографировал, а в своем «Огоньке» потом – ничего, ни строчки. Формат не тот, не вошли в формат. Помню, что вошло: огромные воздушные змеи на берегу Тихого океана, дамочка с голыми коленками на стадионе в Портленде... Такой формат.

А в Орегоне наши русские живут согласно поговорке: как у Христа за пазухой. Как могли бы жить и в Верхнем Уймоне. Могли бы...

Наслаждение редким в Орегоне снегопадом, – так подписано это фото. Агания Мартюшева с детьми.

Многие орегонские русские начинали свою жизнь в Америке – где бы вы думали? В Нью-Йорке! Я видел фотографии: женщины – в европейских платьях, мужчины – в костюмах и галстуках. Хотя древнюю веру свою не теряли, но, тем не менее, попытались стать «стопроцентными американцами». И дело шло успешно: работали в Нью-Йорке на заводах и фабриках, хорошо зарабатывали, и почти сразу автомашины заимели. Один орегонец рассказывал мне, как выезжали «гонять таксистов» – так он выразился. Погоняться с таксистами вперегонки, поддразнить их – и себя потешить, русскую удаль показать!

Представляете?! Были, оказывается, в начале 1960-х такие русские гонки на авеню и стритах Нью-Йорка! Машин еще не так много, ни пробок ни трафиков – можно разогнаться, «таксистов погонять»...

Но и работали, конечно... Федор Овчинников, например, работал на стройке. Дело это само по себе тяжелое: в дождь, холод, зной, под всеми ветрами. Вот уж где – круглое кати, плоское тащи! И квалифицированному работнику нелегко,

а уж неквалифицированному – вдвойне, втройне. И никаких роздыхов и перекуров – на Западе этого не любят. Домой Федор приходил совсем без сил, такой усталый – чуть не до слез...

Теперь у Федора Овчинникова свой строительный бизнес в Орегоне. В конце концов русские решительно оставили «американский образ жизни» в Нью-Йорке – и переехали с Атлантического побережья на Тихоокеанское, из каменных джунглей Нью-Йорка на зеленые поляны западного штата. Многие занялись сельским хозяйством, а Федор проявил деловую хватку в строительной сфере.

Познакомились мы с ним еще в 88-м в Москве, а через год вдвоем стояли в притворе церкви: ему, как и мне, не разрешалось переступить его – «трогает» бороду, подстригает... Нарушение заветов старины! Перед этим все равны – а я видел, как Федор передавал бабушке толстую пачку долларов на нужды церкви...

Но не только в церкви мы с ним виделись : однажды он пригласил меня и супругу пожаловать к нему на именины. Я знал, что именинник – человек состоятельный, мне даже сказали – миллионер, но увиденное прямо поразило. Двухэтажный особняк Федора Овчинникова находился на высоком пригорке, и вся столица штата, город Сейлем – там, внизу, у подножия...

В просторном светлом зале собралось несколько десятков человек, русских, и нам в основном незнакомых. Но и здесь

почти все одеты были и выглядели как настоящие старoverы: бороды, косынки, тканые пояса...

– Выпьем, господа! – провозгласил хозяин.

И выпивали, и как следует закусывали, и веселые разговоры вели, именинника поздравляли. И на гармони играли, и шары на бильярде катали, и по широкому двору гуляли... Но если б вы знали, как необычно, как интересно было слышать это слово: господа! Люди Господа, то есть. Мы-то в Советском Союзе были все до единого – товарищи, и думать не думали, и представить себе не могли, что когда-нибудь, а тем более – в скором времени станем господами.

Раз уж упомянул о господах-товарищах – тут и к месту будет сказать о бесконечных и повсеместных тогдашних разговорах о нашей «перестройке».

«Перестройка», как и «демократия» (власть народа, значит!) – только в кавычках, только в кавычках, по-другому никак нельзя. Поскольку, как потом выяснилось, левые «демократы», коммунисты – стали «демократами» правыми, «либералами». Перекрасились, «поменяли ориентацию» – только и всего.

А народ попал из огня да в полымя!

Но тогда, тогда, в конце 80-х – сколько было разговоров, ожиданий, надежд! Всем очень понравился Горбачев, и люди ему сочувствовали, рассуждая: как же трудно человеку приходится после 70-летней диктатуры. Именно такой разговор состоялся у меня однажды со священником, отцом Тимофеем.

ем – прямо на улице. Он ко мне подошел, и с полчаса мы с ним стояли-толковали. Батюшка всё упирал на личные качества Горбачева: какой живой, простой, энергичный, смелый человек!

– Но трудно ему придется, трудно...

Оказалось – легко. Оказалось, вместо перестройки – развал, вместо свободы – новое рабство, вместо демократии – власть олигархов. Бес хитёр! Недаром одно из его названий – отец Лжи...

А специфика советской «демократии» – советской жизни, повседневной жизни – для обычного, рядового человека заключалась прежде всего в повальном дефиците всего и вся. Говорю об этом еще и еще раз. У меня есть большой блок заметок, написанный к 20-летию «демократической» революции 1991 года, где уделяю этому особое внимание, поскольку, как и многие аналитики, считаю: советскую власть обрушил именно дефицит.

Так что можете себе представить, какое впечатление на меня произвели американские магазины. Американцы, зная это дело, время от времени устраивали нам туда поездки. Хотя... Смех и грех. Хозяева относились к этому делу с опаской: как поведут себя в магазинах гости?!

– И вот я набрел на товары... Какая валюта у вас, говорят? Не бойсь, говорю...

И т.д. Слова из песни Владимира Высоцкого – когда его герой оказался на Западе со списком товаров для родствен-

ников...

Орегонцы уже сталкивались с таким явлением, когда советские люди полностью теряли в магазинах голову и начинали хватать всё подряд. А хозяйева, почесывая в затылке, доставали из карманов все свои доллары – «зеленые рубли».

Но случился с этим делом не только смех, но и грех. Увы... Была у Галины Васильевны одна знакомая, из благочестивой старообрядческой семьи, из Москвы. Галя даже называла ее подругой, и когда от нее пришла просьба сделать вызов на поездку в Америку, с радостью согласилась. Выслала приглашение – и ждать-пождать гостью. Та приехала... и ни разу даже не посетила свою подругу, не зашла к ней! Были в Орегоне другие знакомые, которых она и предпочитала – тех, которые побогаче. Смех и грех.

С другой стороны, тут не так и просто – судить. При удачном стечении обстоятельств ведь можно и целое состояние заработать – получить! В материальном плане всю свою жизнь изменить. Бог судья...

Вот и я, стараясь повисить свое благосостояние, чуть не каждый день выходил на ежевичные плантации. На ягоде заработать – ну и, чего греха таить, про себя надеясь, что «плантаторы», умиляясь моему старанию, дополнительно «зеленых» подбросят... Я-то ведь, потратясь на поездку в Америку, вообще оказался гол как сокол! Зато местный пенсионер, Прохор Григорьевич Мартюшев, пока я тут ягоду корячился-собирал, успел на несколько дней в Австралию сле-

тать, религиозные вопросы пообсуждать. Такие вот дела...

Вожусь я как-то в ежевичных кустах, смотрю – ко мне по полю идет Семен Созонтьевич Фефелов: в шортах, рыжая борода по пояс, банка пива в руке.

– Зря не поехал! – говорит он мне, – пятьдесят – не пятьдесят, а по сорок пять тысяч долларов взяли!

Это он с Аляски вернулся. Вскоре Семен с гордостью показал мне свой новый, шикарный, дорогой автомобиль, со всякими, как бы сегодня сказали, наворотами: например, оставишь дверцу открытой, а приятный женский голос тебе подсказывает. И мы все эти навороты разглядывали-испытывали...

Вместе с ним приехал аляскинский житель, сын Прохора от первой, покойной жены – Владимир. Первый раз я его увидел из окна дома: какой-то мужик с большим ножом во дворе за столом орудует, что-то большое и белое режет-рубит – мне показалось, капусту разделявает. Оказалось, это не капуста – огромные куски палтуса (его все называли: хАлаба), привезенного с Аляски.

Приехал со всей компанией рыбаков и аляскинский батюшка, отец Конрад – он же, если попросту – Кондрат. Довольно молодой, рыжий, энергичный, а в церковных делах, как мне сказали – несколько либеральный: позволяет «трогать бороду», слегка подстригать, и в храм заходить с такой бородой не запрещает. Отца Конрада мне довелось потом встретить в Москве, и по телевизору увидеть, и в прессе о

нем почитать. И все прошедшие после моей поездки годы русская Аляска мелькает то тут, то там. Хотя это всего лишь один поселок – Николаевск, несколько десятков русских переселенцев-старообрядцев. Коренных русских здесь нет, а те, что были, давным-давно ассимилировались. Зато в Орегоне русских несколько тысяч – и ноль внимания со стороны российских СМИ. Думаю, это чисто журналистский подход: привлекает словосочетание «русская Аляска» – вот и все. Экзотики – полным-полно, все репортажи – интересные, ничего не скажешь. Интереснейшие статьи были у Василия Пескова в «Комсомольской правде»!

Хотя эта «русская Аляска» – можно сказать, составная часть большой орегонской общины, сохраняются самые тесные связи. Жениться-то и выходить замуж надо, а предпочитают своих! Где их взять? Прежде всего – на Аляске да в Орегоне.

Хотя, конечно, и российских женихов-невест находят, и румынских, и австралийских – русских. Но случаются и американцы! Я сам одного видел: и бороду отрастил, и домотканым поясом подпоясался, и в церкви стоит, и молиться пытается по-русски. Старовер! Да рослый такой, могучий парень – наш, наш...

С приездом гостей с Аляски, да и румынские гости к этому же времени подгадали, наши застолья – разговоры участились. А поскольку соловья баснями не кормят, а гости за стол – пироги мечи на стол... Но пироги – это так, к слову,

хотя и пироги, конечно, бывали. А угощались мы в основном, да почти всегда – барбекю. Там, в Орегоне, я впервые его и распробовал – мясо, жареное на решетке. Покупается в магазине специальное мясо, в эдаких невысоких пластиковых блюдах, закатанных полиэтиленом, приготавливается как для шашлыка, только жарится на решетке. Куски – размером с ладонь, а мясо вкусное, сочное, тает во рту. Съесть можно много, много... При этом я не помню, чтобы когда-то что-то заканчивалось – мясо ли, выпивка ли...

– Барбековать сегодня будем! – провозглашал Прохор Григорьевич, и мы барбековали – жарили барбекю.

Прямо перед входом в дом стоял большой, сколоченный из досок стол, с такими же скамейками – на любую компанию хватало. В огромной таре мариновалось мясо, ставились на стол полу-галлоновые бутылки канадского виски, да еще кока-кола, для разбавки. Вина не было вообще никогда, а пиво – так, мелькнет иногда баночка. Дымила жаровня, шкворчало мясо: барбекю. Это, как и в России шашлыки – целое действо, а не просто еда! Общение, разговоры.

Общался я в основном с людьми, которым было уже за 60. Крепкие, энергичные, какие-то очень устойчивые, основательные люди. В большинстве крупные – цвет русской нации! И выпить молодцы, и в этом устойчивы, хотя и предпочитают всем напиткам виски. Не курят – разумеется!

Русская компания здесь, в России, отличается от орегонской – аляскинской прямо-таки разительно. Самое главное

отличие – мат, мат, мат, за каждым словом мат, надо и не надо – мат. Понятия не имеют, что это – грех. Что касается количества выпитого, то пили мы в Орегоне, пожалуй, побольше нашего... Но при этом не было цели именно выпить, напиться! Пили через какой-то интервал, закусывали – и разговаривали. Никто не клевал носом, не раскисал – и даже не облакачивался на стол! Всегда – прямая спина, ясный, пусть и хмельной, взгляд, твердая речь и походка. А ведь это – самые простые люди, не имеющие никакого понятия о «правилах приличия», «поведения в обществе», «умении держать себя»... Ведут и держат себя так, как это делали их отцы, деды и прадеды.

И еще: даже если разговор шел о каких-то проблемах, то никогда никакой безнадёги, горестного махания рукой – пропади оно всё пропадом... Ну вот пожалуйста: во время нашей гулянки позвонили по мобильному телефону из коммиссионного магазина, позвонили русскому румыну, который еще ни бе ни ме по-английски. Переговоры пришлось вести орегонцу – и он всё убеждал и убеждал продавцов снизить цену.

– Вы понимаете – у человека совсем машины нет?! И денег нет.

В итоге сторговал машину за смешную цену. И мы радостно отметили такое событие. Была проблема – и нет проблемы. И так – во всем.

А какое барбекю устроил Кирилл Васильевич Бабаев в

честь моего дня рождения?! Гостей собралось много, и женщин много, так что всё – чинно-степенно, и виски – не из пластиковой бутылки, а из красивой, фигурной, стеклянной. Сам же Кирилл Васильевич за стол почти не садился: так, подсядет на минуту – и опять к жаровне. Смотрю я сейчас на фотографии с того дня рождения – Боже, какая благодать! Широкая лужайка, красивый дом, яркий цветник, гости в русских нарядах за столом, Евдокия Тарасьевна что-то на блюде подносит – и Кирилл Васильевич у жаровни орудует... Хорошо.

Все помнится хорошо, и несколько особняком в этом ка-

лейдоскопе воспоминаний находится у меня поездка в Калифорнию с Перфилом Тораном. Как-то вечером он мне говорит:

– Я завтра еду по делам в Калифорнию – поехали со мной, тебе же, наверное, интересно посмотреть...

Раным-рано, часа в 4, мы с Перфилом и двинулись в путь. Подъехали к банкомату, установленному в бетонной глыбе, на перекрестке дорог, едва ли не в чистом поле, сняли деньги. Это мне уж совсем в диковинку.

– А если на тракторе своротит кто-нибудь – и деньги украдет?!

– Не успеет своротить, как полиция приедет, – сказал Перфил, укладывая доллары в бумажник.

Подъехали мы к магазину, закупили чего надо в путь, а также ящик пива на дорожку – поставили его в ноги. Позавтракали в нашем микроавтобусе, за столиком: кофе, бутерброды. Стояла у нас и бутылка ликера «Южный отдых». Нет-нет, не подумайте, с утра до вечера орегонцы не хлещут! То виски, то ликер... Это ради гостя, ради гостя. Хотя, вообще-то, западную привычку пропустить глоток среди бела дня, да без закуски, они приобрели...

К ликеру Перфил начал нарезать... ветчину. Я удивился.

– А чем же закусывать надо?

– Ну, фруктами, шоколадом...

Сходили еще за фруктами и шоколадом.

Ликеру хозяин налил и мне – и себе. Я опять удивился:

а ничего, что за рулем? Вдруг полиция остановит?

– А с чего она остановит? Я же не поеду вот так, – он сделал рукой зигзаги.

Ну, поехали. Да с каким ветерком поехали: Панамериканское шоссе – скорость, широта, простор! Равнина – и гладь океана. А потом пошли горы – невысокие, поросшие лесом. Похожие на Алтайские... Однако – северная Калифорния. Я даже гигантские секвойи увидел, и даже в местный музей мы зашли.

А дело, по которому Перфил сюда поехал – такое: по горам растет смешанный хвойно-лиственный лес, хвойный – нужен, лиственный – не нужен, однако лиственные деревья растут быстрее хвойных, заглушают, мешают – их нужно спиливать, чем и занимается бригада все тех же мексиканцев, вооруженных мотопилами. Перфил взял у фирмы подряд на расчистку леса – нанял мексиканцев. Я их видел, общался с ними: невысокие, худощавые, робкого вида мужички.

Заехали мы с Перфилом в контору фирмы, он пошел к хозяевам, а я остался ждать в машине. Вышел мой друг оттуда озабоченно-озадаченный:

– Недовольны, что нанял мексиканцев – почему не русских? А где я их найду? Русские взяли по пятьдесят тысяч долларов на Аляске, и сейчас на Багамах да на Гавайях!

Пошли мы с Перфилом посмотреть, как идут дела у мексиканцев. Ничего, нормально, дело-то не особо мудреное,

сложное или тяжелое, кустарник опиливать – это ж не лесоповал. Так что мы спокойно двинулись осматривать местные виды: лес, речушку, бегущую по камешкам. На дороге обнаружили большую кучу ягодных косточек.

– Медведь наложил, – пояснил мой спутник.

Самого медведя мы, слава Богу, не встретили, и вернулись к вагончикам мексиканцев, которые охранял пёс на цепи, изнывающий от скуки – он явно нам обрадовался. Я сел перед ним на корточки, посмотрел в добрые глаза, погладил-потрепал его:

– Ах, морда твоя, морда... калифорнийская!..

Переночевали мы, и двинулись в обратный путь, который мне запомнился купанием в океане – я попросил Перфила остановиться: как же не отметить! Было мелко, вода холодная, волна большая, но я все же залез – искупнулся в Тихом океане.

После Калифорнии мы начали помаленьку подсобираться в обратный путь. А вообще в Америке мы пробыли ровно 50 дней! И для нашего, и для советского времени – дело невероятное, притом я даже не пытался звонить на работу: человека, улетевшего на другую планету, не уволят. Так оно и случилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.